

25 JANVIER 1938.

LES COSAQUES LIBRES

XIe Année

25 ЯНВАРЯ 1938 г.

237

25 СІЧНЯ 1938 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ XI-й.

РІК ВІДАННЯ XI-й.

Л. Григор

Содержание:

1. Ив. Коваленко: Авария.
2. Ходькевич-Сапсай: Хто рідну матір забуде, — по-
карають його Бог і люде!
3. Николай Лапкин: Страница прошлого.
4. Владимир Куртин: Ночь перед Рождеством.
5. Вениамин Поночовный: Кубань.
6. Трагедия Казачества.
7. И. И. Железнов: Мысли казака о Казачестве.
8. Еф. Якименко: За патронами.
9. И. Настоящев: Тоже письмоцо, но не «секретное».
10. Праздник 10-го декабря в Праге.
11. Казачья эмиграция.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

ВВИДУ ОТСУТСТВИЯ ПОХОДНОГО АТАМАНА ИЗ ПАРИЖА, В ФЕВРАЛЕ ЖУРНАЛ «ВК» ВЫЙДЕТ
ОДИН РАЗ ДВОЙНЫМ НОМЕРОМ — 25 ФЕВРАЛЯ.

Редакция.

ГОНORAP НЕ ПЛАТИТСЯ

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются

ПЕЧАТАЕТСЯ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
IV-ой ЧАСТИ

„Трагедии Казачества“

Предполагаемая цена: во Франции: 25 фр. Заграницу: 1 ам. долл.

Иностранцы о советской России

По поводу советских «выборов» 12-го декабря прошлого года одна английская газета писала (11-го декабря пр. г.) так:

«Русским выборщикам не позволяет ничего решать... Они лишь выполняют принудительную парандную церемонию, разыгрывают торжественный фарс... Многие удивляются, зачем Кремль ставит своих подданных в столь чудовищно смешное положение. — Частичное объяснение можно найти в беспомощной незрелости народа вообще, допускающего весь этот режим»...

По этому и по другим поводам Е. Кускова (см. «Н. Н.» от 1-го января с. г.) «скорбит»: «Все чаще подносят нам иностранцы подарки: **«Невежественная страна»**. Страна, неспособная к коллективной работе с цивилизованным миром»...

Кто пришел на смену старым большевикам, кто заменил старую большевистскую интеллигенцию? — ставит там же Кускова вопрос и отвечает так: «Ее заменила молодежь, воспитанная сталинской казармой, молодежь, потрясающее **невежественность**, но на ходящаяся в полном распоряжении правительства и его партийных органов»...

Там же приводится ряд выдержек из книги одной англичанки (Виолетты Конолли), недавно побывавшей в С. России. (Книга вышла в 1937 году). Вот некоторые из них:

«Г-жа Конолли колесит по России и всюду встречает **людей-попугаев**, отличающихся, однако, большой самоуверенностью и **невежеством**».

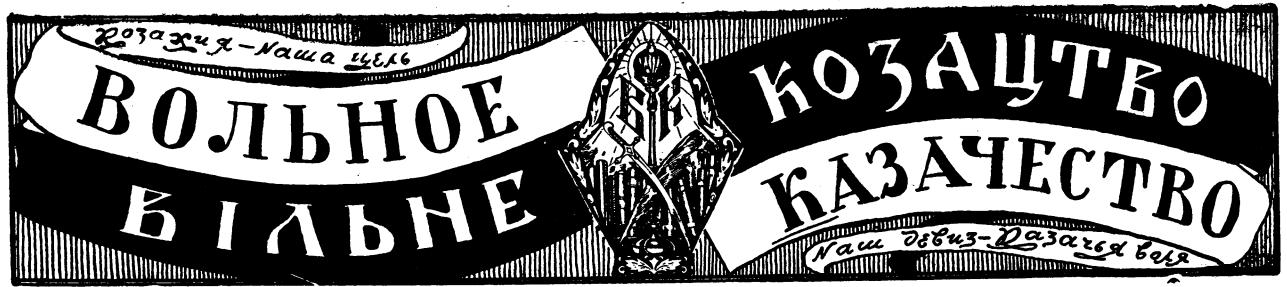
«Самое худшее, что творческий дух в России в цепях. Ни в одной области науки и искусства нет преемников великих людей дореволюционной эпохи»...

«В настоящее время в России легче быть рас стрелянным за порчу «плана» или за кражу горстки зерна, чем за убийство»...

«На, Россия оказалась для меня **жестокой**. Она слишком криклива, шумна, примитивна, слишком непримечательна к проявлениям и причудам человеческого духа. Вся советская жизнь отталкивала меня»...

Увеличение подписной платы

ВВИДУ БОЛЬШОГО ВЗДОРОЖАНИЯ СТОИМОСТИ ТИПОГРАФСКИХ РАБОТ, МЫ ВЫНУЖДЕНЫ УВЕЛИЧИТЬ ХОТЯ НЕМНОГО И РАЗМЕР ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА НАШ ЖУРНАЛ ВО ФРАНЦИИ, А ИМЕННО — ВМЕСТО 80 ФРАНКОВ — 100 ФРАНКОВ В ГОД И 50 ФРАНКОВ НА ПОЛ ГОДА.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Бильт

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16th)

№ 237

Вторник 25 января 1938. — Вівторок 25 січня 1938.

№ 237

Ів. КОВАЛЕНКО

А В А Р И Я

Бурей ужасной ладью обветшалую
В щепки разбило о берег морской..
Низко склонил свою голову шалую,
Спасшийся чудом, моряк удалой.
Видел он раньше, что гайки раскрученены,
Парус не годен совсем никуда,
Руль расшатался, скривились уключины,
Весла давно уж размыта вода...
Надо-б ладью заменить уже старую.
Не утешаться: «Авось, какнибудь!».
Не потерпел бы теперь, вот, аварию
И совершил свой намеченный путь...
Так, вот, когда-то в годы проклятие
Горе стряслось над Казачьей Страной:
Мелким тщеславьем да злобой об'ятые,
Мы не заметили час роковой.
Всем было ясно, что подвой изменою
Наш Атаман постаревший дышал,
Как он, с усмешкой своей откровенною,
Вольных дедов идеал предавал.
Видели мы, что народа избранники

Гибли от вражеских пуль и петли,
Как «богоносной» России охранники
Рвали законы Казачьей Земли...
Видели все, но молчали, не крикнули
Ни Атаману, ни тем наглецам:
«Эй, вы, что к нам, будто волки, проник-
нули,
Эй, не пора-ли опомниться вам?
Прочь! Туг хозяева мы лишь давнишние,
Вам не уступим степей и станиц —
В нашей степи вы чужие и лишние,
Степь любит храбрых, — не скрытых
убийц!».
Нет, не подняли мы голоса зычного,
Не постояли за Волю и Честь, —
Против глумленья и хамства циничного
Так и не вспыхнула грозная месть...
Да, были, были большие пробоины
В нашем разбитом житейском челне...
Не прогляди их, Казачества воины
Слез бы не лили в чужой стороне.

ХОДЬКЕВИЧ-САПСАЙ.

ХТО РІДНУ МАТИР ЗАБУДЕ, — ПОКАРАЮТЬ ЙОГО БОГ І ЛЮДЕ!

Не буде мені добра, ні щастя у чужому краю,
Коли я давно вже по світу блукаю,
Та живу скрізь у свободі й на волі,
А мої браття у тяжкій неволі;
Та нема ім у чому пройтися,
Нема у що обутись — зодягтися,
Так живуть вони всі босі й голі.

Не буде мені добра, ні щастя у чужому краю,
Коли я добре гроши заробляю;
Єсть мені гаразд що їсти й пити,
Єсть у чому добрі й походити;
Забув тіки, відкіля я родом,
І що діється в нещасній Козакії
З рідним Козацьким Народом.

Не буде мені добра, ні щастя у чужому краю,
Коли я давно і добре про те знаю,
Що моя Козакія тяжко страждає,
А в мене про неї й думки немає.
Ой, горе-лихо тому в світі буде,
Хто свою рідну Матір забуде:
Покарають його тяжко Бог і люде!

Николай ЛАПКИН

СТРАНИЧКА ПРОШЛОГО

С любовью посвящаю родным казакам.

Стою у окна, что с железной решоткой
(Дух турок привился болгарам!), а грязь
Картины рисует с дождем ясно, четко:
Похожее что-то я видел не раз.
И вспомнилось — в Таврии было прекрасной.
Там прелести не было в жуткие дни —
Дождь, грязь, в душе слякоть, отсюду опас-
ность...

Вожди? — Убежав, нас забыли они...
Родная «козуня», нахмурясь, вздыхает,
Отважные очи глядят мне в упор...
Болезные, кажется, тоже не знают,
Что мне не по силам страданья, позор...
Вдруг крик из-за окон: «Тут конница красных!»
— «К винтовкам, «Гаврильчи!» — (Только в
душе
Опасность большая рисуется ясно).
— «На двор, все за камни, ложись на легке!».
Залег. А со мной малолеток-парнишка —
Лихой казаченок, волченок степной.

— «Готовься, ребята, вернее на мушку
Берите врага, по команде стреляй!»...
И вот, вдруг, по улице стройно рядами
Несущая, но кто? — Казаки «на рысях».
Лампасы, погоны... То внуки с дедами,
Что Дону служили за совесть, — не страш...

— «» —

Рассеялась «буря». Встаю. Сюк наружу...
Знакомые лица, но смех — вот скандал!
Казанской станицы «чапура» — хорунжий,
Целуясь, хохочет: — «Урядник ли стал?»
Гляжу на погоны. Парнишка-волченок,
«Чтоб жизнь мне спаси», на шинели моей
Черты две поставил на правом погоне —
Туг логика чувства рассудка сильней...
Чего-ж писать дальше? Ей Богу, не знаю.
Его наказанью предать я не мог...
За чувства святые, «козуня» родная,
Любить только можно твой чудный Порог.

ВЛАДИМИР КУРТИН.

Ночь перед Рождеством

На небе нет полного месяца. Земля не покрыта пушистым снегом и не скрипит под ногами мороз, как это обязательно должно быть в ночь перед Рождеством.

На улице не спотыкаются пьяные «Голова» и «Дьячек», Пацюк не глотает вареники, а хуторской чорт не несет казака в Питер за черевичками для Оксаны и не обжигает свои пальцы о месяц. Нет ни колядников, ни христославщиков, ни ковбасы, ни сала, ни пышных палляниц.... Но хотя этих атрибутов рождественских рассказов и нет, сам субъект налицо: ночь перед Рождеством дотащилась и до города, в котором между 60-ю тысячами хорват, сербов, итальянцев, евреев и др. пробивается жизненной дорогой и казак станицы Старонижнеирклиевской Иван Бутенко.

С моря из-за острова, выпираются облака и мчатся куда-то на северо-запад, цепляясь за крутой бок горы Козины. Время от времени облака брызгут по городу холодной изморозью, от которой сколо фонарей свивается сияние, как около головы Святых Угодников...

По улицам горланят автомобильные сирены и газетчики. Из ресторанов и кафе, заглушая и сирены и газетчиков, прут разноязычные атмосферические помехи («паразиты») радио-аппаратов...

На базарной площади киснут под дождем сотни раз юблапанные и общипанные елки и их продавцы. Католическая ночь перед Рождеством уже 13 дней и ночей тому укатила назад и елки, что сейчас киснут на базарной площади, исполнили свое предназначение у католиков. Сейчас с них «сняты краски и смыслы румяна» и потому они дешевле девственниц с Босанских гор, что красовались на этой площади 13 дней и ночей тому назад.

— «» —

Случилось как-то так, что Иван Бутенко отбился от станичников и поэтому не попал ни в рабочие дивизии на шоссейных дорогах Южного Балканы, ни на фабрики Ситроена, ни в Перу... В 21 году, по разгрузке Синя от тифозных избеглиц, он проскользнул между партиями зацепился за Далматинский Крас да так и остался: шил селякам опанки, починял ведра и ослиные седла, перекопывал виноградники. Кочуя

от одного «газды» до другого, набрел на болгарина в окрестностях большого приморского города и вот уже 7 лет занимается огородничеством.

Не оставил жену в Старонижнеирклиевской и не женился в Далмации. Почему? Может быть потому, что женитьба не обязательна, а м. б. потому... потому, что пути Господни неизвестны.

В бараке на болгарском огороде, вблизи моря, имел комнатку. В комнатке плиту, стол и кровать, а под кроватью сундучек. Что было в сундучке — неизвестно, но, судя потому, что ю нем говорили, как о чрезвычайно бережливом и скромном человеке, можно было предполагать, что в сундучке, кроме белья, хранилась и «зарала».

Иван Бутенко купил вина, закусок, даже «слаткиши». Выбрал елку, «ангельчика» и Иисусика в яслях и, несмотря на дождь, в мирном праздничном настроении пошел домой. Праздничное настроение не останавливало его и тогда, когда он сошел с лоснящегося асфальта шоссе и зачмокал по жилой грязи между виноградниками и огородами, удоборяемыми ночным золотом из города. Темно, но у Ивана есть электрический фонарь да и дорогу он знает на память. Но, через «археологические раскопки» ночью без фонаря никак палья: или в яму свалившись, или лоб разбьешь о камень.

Дорога не особенная, но почти вдвое ближе, чем кругом по шоссе. А Иван спешит: нужно еще печь растопить, ужин приготовить, елку украсить... Да и дождь сильней пустился. Или это только так кажется в открытом поле?

Ветер совсем не по рождественскому бьет дождем в лицо. Невдалеке шумит взбудораженное «югом» море.

— Все же хорошо, что у меня есть свой куток, — думает Иван. — Вот приду, зажгу лампу, затоплю печь...

Неприятно Ивану идти через раскопки: всюду какие то чудные каменные тробы, склепы, жлонины, стены... В прошлом году камни на одного рабочего свалились... Как он стоял под кафнями: живым оказался закопан! А когда откопали, лицо его было синее и страшное...

Мертвого рабочего отнесли, но Ивану казалось,

что жалостливые стоны его так и остались под камнями. Вот и сейчас стоит только хорошенко прислушаться и уже слышишь из-под камней жалостливое, жалостливое: А-а!.. А-а!..

Ветер вывернул ему из-под мышки елку. Остановился Иван поправить и с'ежился от страха:

— А-а!.. А-а!.. — Ясно слышно из-под одной стены. Но совсем не так, как плакал тот рабочий.

Показалось? Поправил елку...

— А-а!.. А-а!.. опять, будто ребенок, плачет. Спустил Иван елку на землю.

— Кто здесь?

Ветер. Слышен шум моря, гул города... Жутко Ивану...

Все же фонарем за стенкой посветил... А под стенкой женщина сидит на корточках, шалью покрытая...

— Что делаешь здесь?

Женщина не отвечает.

— Сумасшедшая, — подумал Иван.

У женщины заплакал ребенок. Иван совсем испугался.

— Так что же ты делаешь здесь?

— Проходи, — зло процедила сквозь зубы женщина, — проходи, это не твое дело...

— Нет, не сумасшедшая, — подумал Иван. Подошел ближе. В ярком снопе света увидел женщину с ребенком на коленях. Женщина вскинула шаль, смотрит на Ивана снизу, а в глазах такая ненависть, что Ивану стало не по себе.

— Сумасшедшая! Что делаешь здесь?...

— Проходи! Камнем бы тебя, гад. Все вы одинаковы, все гады!..

Шаль скользнула с головы. Женщина как волчица, оскалив зубы, смотрит в глаза Ивану...

— Подожди, жено, потише...

— Ты русский? сразу смягчила голос женщина.

— Русский, не русский... казак я.

— Казак? Такой, какие приезжали сюда в город на конях?

— Ну да. А что ты здесь делаешь с ребенком?

Женщина заплакала.

— Ничего, не спрашивай... уходи... Иди своим путем.

Иван подсел около нее на корточках.

— Покажи ребенка, — и сам открыл с него шаль и тканый сельский фартук.

— Сколько ему?

— Две недели...

— Мальчик? Девочка?

— Мальчик, — с оттенком гордости ответила мать.

Иван потихоньку ткнул в щечку ребенка своим толстым, рабочим пальцем, а от этого прикосновения какое-то теплое и нежное чувство разлилось по всему его телу... захотелось заплакать...

— Да!..

Посмотрел на женщину, на елку, на пакет с закусками... Зачесался затылок.

— А не могла бы ты это Рождество православное... наше...

Женщина вскинула глазами, смотрит выжидательно...

— И недалеко это... А тут дождь... простудиться может...

Женщина нагнулась над ребенком. Иван чувствовал, что она плачет.

— Ну, ну... чего уж... Грех-бы был... Дите жить хочет. Пойдем, а то фонарь скоро погаснет...

Женщина послушно поднялась.

— За мной иди... Я дорогу показывать буду.

Идет Иван, женщина за ним. И чувствует Иван, что что-то связало его с этой женщиной. Что-то теплое, хорошее...

Правду говорит... Много из нашего брата охочих... А им — руки и на себя и на дите. А в чем оно виновато?

Спешит Иван в свою хату. И шаг у него какой-то бодрый, радостный... И дождя не чувствует...

— Это и моя кучка...

Долго возился, пока отомкнул замок на дверях. Женщина дрожала от холода. Иван злился на самого себя,

— Извините, пожалуйста. Комната не Бог весть какая...

Женщина осмотрелась. Скинула шаль. Ребенка на кровать положила. Иван разжигает печь, украдкой на женщину посматривает.

— Красивая, молодая... Заснул? — кивнул он на ребенка.

— Да, — застыдясь, ответила женщина. — Дайте, я Вам помогу!

— Ничего, ничего... я сам справлюсь. А как Вас зовут?

— Милка. Дайте я Вам помогу. Я работать привычная... А Вас?

Подсела к печи, раздувает огонь.

Красивая, думает Иван и отвечает: — А меня Иван... Бутенко Иван...

— Иван? — переспросила Милка.

— Иван.

Милка убрала стол, привела в порядок комнату.

— Можно? — показывает на покупки.

— Прошу, прошу, — засуетился Иван, подавая кульки и свертки.

— Красив и добр, — думает Милка. — Господи Иване, не говорите мне Вы.

Иван быстро подошел к ней, крепко стиснул ее руку, как это делают барышники на базаре.

— И меня зови Иван... Просто Иван.

Посмотрели друг другу в глаза. Милка чуть чуть улыбнулась. Иван почесал затылок.

— Елку нужно убрать! Хочешь, Милка?

— Хочу...

За полчаса маленькая елка, как молодая невеста перед венцом, счастливая, нарядная, стыдливо мигала тоненькими свечечками и искрилась, услышанная «снегом», а под ней в пещере из зеленой бумаги лежал маленький Иисус.

На плите приветливо и вкусно шварчало. В стену хлестнул дождем ветер.

Иван, сидевший на кровати около ребенка, вдруг что то надумал. Решительно подошел к елке, снял две свечи.

— Милка, стань тут, около меня.

Милка стала.

— Возьми свечу!

Стали рядом. Иван смотрит на маленького Иисуса под елкой. Запел:

Рождество Твое, Христе Боже наш...

Поет Иван тропарь Рождеству божественному Младенцу, вдохновенно смотрит то на Иисусика, то на белого с праздничными крыльями ангельчика. А Милка низко опустила голову. Свечка ее потрескивает и мигает от слез, что падают на ее робкое пламя. Не выдержала Милка, пала на колени перед кроватью, нагнулась над ребенком и зарыдала...

Иван докончил тропарь, поклонился до земли перед родившимся Спасителем мира, перекрестился, подошел к Милке.

— Не крещен?

— Н... нет!

— Хочешь быть моей женой?

Милка вскочила. На один момент радостно-испуганно заглянула в глаза Ивану, потом опустила руки на его плечи, обняла...

— Пусть Бог тебе заплатит!

Крепко поцеловал Иван свою невесту в полные слез губ...

— Подожди, идем к хозяину! — И выскоцил из комнаты.

Газда Митар со своими сыновьями ужинал около зажженной елки.

— О, Иван, нужно что?

— Пожалуйте ко мне, газда... посаженным отцом будете!

— «» —

В этот вечер перед Рождеством Христовым, в лето тринацатое эмигрантского бытия, едва ли кто в большом приморском городе был счастливее Ивана и Милки, решившей было покончить не только со своей молодой жизнью, но и с жизнью ребенка, родившегося 13 дней тому назад...

Вениамин ПОНОЧЕВНЫЙ.

К У Б А Н И

С под снежной вершинушки
К бурным двум морям
Несет волы грозные
Вольная Кубань.

И под звездным куполом,
В ковылях степей,
Слушают курганы
Песнь богатырей:

«Слава Солнцу Красному
В синих небесах
И тебе, Родимая,
В тучных берегах!...

Нашей кровью вспоена,
Ты бурлишь ключем,
Мутная, Раздольная, —
Сторожишь наш Дом...

С вековою давностью
Множество племен
Приютила, добрая,
Под родимый кров.

Одарила, щедрая,
Всем, чем ты могла,
Все богатства черпая
Златного русла...

Слава Кубани —
Солнцем рожденной
В зареве вешних лучей!
Слава Кубани!
Рыцари воины
Будут молиться о ней!

Обогрела ласкою
И вскормила нас,
Вырастила вольными
За короткий час...

Провожая, гордая,
На борьбу с врагом
Рыдала и плакала
Ты от нас тайком...

Видя раны ратные
Мертвых и живых,
Ты слезами Матери
Оросила их...

И, любивших родину,
Казаков своих
Озарила славою
И сроднила их...

Охраняя родину
Огненным мечом,
Мы склоняем головы
Пред твоим челом...

Слава Солнцу Красному,
Синим небесам,
Звездам, Ясну-месяцу
И тебе, Кубань!...

Слава!...

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

ЧАСТЬ У.

(Апрель-ноябрь 1920 г.).

ГЛАВА IV.

Врангель судит Сидорина. События 1917-1920 г. г. в свете «крымского» судебного процесса.

3-го мая 1920 г. в Севастопольском военно-морском суде началось слушанием дело бывшего командующего Донской армией ген. В. И. Сидорина и начальника штаба этой армии ген. Кольчевского.

Она «подсудимые» принадлежали к сословию русских дворян, оба получили русское воспитание и образование, честно и преданно служили России десятки лет, имели награды за личную доблесть и храбрость, проявленные в боях с врагами России. Среди этих наград оба генерала имели георгиевское оружие и георгиевские офицерские кресты; оба генерала боролись против казачьей самостийности и никогда не произнесли ни одной самостийнической речи, не написали ни одного приказа или газетной статьи в самостийном духе; оба приняли активное участие в выборах ген. Врангеля на пост главнокомандующего.

Ясно, что Сидорина и Кольчевского нельзя было обвинять ни в государственной измене, ни в самостийности даже в том случае, если к оценке их деятельности подходить со строго русской точки зрения.

Если кто и мог предъявить этим генералам обвинения, то только казаки за то, что они, занимая высокие военные посты в войске Донском, служили прежде всего России и только потом — Казачеству; на

первом плане у них была Россия, а Казачество — на втором плане.

И все же они оказались на скамье подсудимых. Почему? За какую вину?

Во времена больших народных бедствий, захватывающих душу народную до самых глубин, потрясающих и пробуждающих народную психику до ее тайников, более остро, более живо работают народная мысль и чувство, более чутко и часто бьется народное сердце; в таких случаях народ более живо реагирует на все происходящее вокруг него...

Перенеся тягчайшую войну с большевиками, потеряв родные станицы, семьи и имущество, потеряв в боях своих близких, родных и товарищей, пережив кошмарное отступление с Дона на Кубань и ужасы Новороссийска, потеряв лошадей, седла и оружие, часть казаков попала в Крым... Это не были только те переживания, которые нашли свое поэтическое выражение в библейском предании о людях, тоскующих о своей потерянной Родине, о людях, которые — «При реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, егда помянуты нам Сиона... Душа казака бурлила ненавистью к сознательным и бессознательным предателям, погубившим казачье дело.

С одной стороны, казаки видели «красных», а с другой — «белых»... Казачья душа клокотала...

И это настроение тысяч казаков нашло некоторое свое отражение и выражение в тусклом зеркале — в газете «Донской Вестник».

Могли ли в то время командующий Донской армией и начальник его штаба по-казарльски прикрикнуть на казаков, приказать им не волноваться и сидетьтихо в скучных чужих поселениях Евпаторийского района?...

Кроме того, большую роль могло играть тут и следующее обстоятельство. Если один человек может при известных условиях влиять на массу людей, может заинить ее и повести на подвиг, то и масса, в свою очередь, влияет на отдельную личность. Печальные процессы или торжественные массовые манифестации захватывают иногда даже сторонних людей. Печальные и веселые народные песни, исполняемые людской массой, вселяют печальное или веселое настроение в души отдельных лиц.

Сидорин и Кельчевский, хотя и служили, прежде всего, России, но на их глазах проходила вся трагедия Казачества и эти генералы, особенно в Крыму, могли сами почувствовать всю глубину страданий казаков, могли сами понять, как страшно они были обмануты...

Неоднократно, особенно у ген. Кельчевского, срывались фразы осуждения политики Деникина и его «Особого Совещания». Очевидно, не без оснований ген. Ларионов, начальник гарнизона гор. Евпатории, показал на следствии, что ген. Кельчевский заявил: «Добровольческая политика погубила нас»... Ген. Сидорин тоже в резкой форме осуждал политику Деникина, а в Новороссийске даже заявил, что он собирается просто застрелить его...

Отсюда может быть понятным то, что Сидорин и Кельчевский ничего противоестественного и, тем более, ничего наказуемого не находили в «Донском Вестнике».

Но дело в том, что с русской точки зрения, вина казаков, часто заключается только в том, что они — казаки, что они имеют собственную историю, свою казачью психологию, имели свои казачьи Республики, что мысль о своей государственности прорывается у казаков все чаще.

И так как Врангель фактически не мог посадить на скамью подсудимых сразу десять тысяч казаков Донского корпуса, то он постарался срезать его верхушку... Сотника Дю-Шайля решено было просто уничтожить. Сидорин же и Кельчевский — с их десятками лет верной и доблестной службы России, с их чинами и орденами — все же оказались тяжелой ношей для руководителей русской контр-революции, скопившейся в Крыму, поэтому этих генералов предали суду, чтобы соблюсти хотя видимость какой-то законности.

— » —

Кто являлся судьями в Севастопольском процессе?

Председатель суда — ген. Селецкий еще при Донском Атамане Краснове, в 1918 году, был изгнан с территории Дона «за скандалы, учиненные в пьяном виде». Член суда — ген. Драгомиров был на Казачьих Землях председателем печальной памяти деникинского «Особого Совещания», принесшего столько зла не только Казачеству, в конце концов, резко и по заслугам осужденного не только всеми слоями русской общественности, но и самим Деникиным и им самим упраздненным; именно это «Особое Совещание» подверглось на страницах газеты «Донской Вестник» резкой кри-

тике. Теперь ген. Драгомиров из подсудимых попал в судью... Третий судья — старый русский бюрократ, дряхлый старик — ген. Экк.

Словом, «судьи» представляли старую, помещичью Россию. В их лице была представлена разноплеменного происхождения военная бюрократия, двести лет душившая Казачество и теперь раздраженная тем, что оно смеет иметь свое суждение...

Прокурор Дамаскин — строгий единоделиец. «Он до такой степени сильно был загипнотизирован шаблонным трафаретом — «Единая, Неделимая», что с пеной у рта почтит себя обязанным отстаивать этот лозунг и тогда, когда его хозяевами становились Ленин и Троцкий»... «Чем-то безконечно отсталым от жизни, чем-то бездушным, засущенным старым канцеляризмом, предвзятым, чисто чиновничим отношением к делу веяло от его речи. Казалось, что прокурор говорит не свои слова, что он повторяет что-то чужое, отчего веет затхлым воздухом старинного политического процесса»...

На процесс было вызвано около двадцати свидетелей: со стороны обвинения — Ратимов Б., ген. Ларионов, фон-Лямпе, статский советник Тарнавцев, войск. ст. Трофимов и др.; а со стороны защиты: генералы: Гусельщиков, Сутулов, Долгопятов, Карпов, полк. Бородин и др.

Так как главным свидетелем обвинения являлся Б. Ратимов, будет полезно остановиться на характеристике этого человека.

«Высокий, тонкий, благообразный, выхоленный и вычищенный, Ратимов с момента, когда свидетели очутились в отдельной комнате, оказался духовно изолированным. Точно какая-то невидимая нить не только морального, но и прямо физического отвращения связала сразу и свидетелей обвинения и защиты... А вместе с ними сидел изнеженный, надышанный, с длинными вылощенными ногтями и воровато бегающими глазами господин, главным времепрепровождением которого было посещение кофеен, ресторанов, ухаживание за женщинами и... спасение России. Он, этот человек, как огня, боится фронта, для него фронт, в лучшем случае, олицетворяется со службой в какой-либо хлебной организации, дающей право на ношение галифе и загадочных погон. Это человек, который с казаками столкнулся в первый раз и... взял на себя смелость писать доносы и учить генералов патриотизму, управлению войсками. Это — гнусное рождение «Освага», самое худшее, что до сих пор давала русская журналистика — шпион и соглядатай, служивший в охранке»...

Это — типичный «спаситель» России, которыми в 1918-1919 г. г. были забиты тылы армии.

Свидетель ген. Ларионов — старый русский служака, как его назвал прокурор. Статский советник Тарнавцев — один из секретарей российского «Святейшего Синода».

Вообще же личный состав суда, прокурор и свидетели обвинения как-бы специально были подобраны для препрезентации старой России.

Не будем останавливаться на юрисдикции самого судебного разбирательства, а обратим внимание только на ту его сторону, которая дает фактический материал для объективного понимания и объяснения исторических событий, происходивших на Казачьих Землях в 1917-1920 г. г., для их правильного понимания и для освещения роли в этих событиях как рядового казачества, его психологии и политических взглядов, так и роли казачьих правителей.

Во время свидетельского показания Донского Атамана на суде, защитник, полк. Калинин, спросил Ата-

...На протяжении всей истории Казачества, начиная с того времени, когда границы Московской Руси придвижнулись к рубежам Казачьих Земель, происходит одно и то же явление. — Кому-то (кому?) всегда нужны казачьи земли, а потому казаки каждый раз должны «потесниться». «Теснила» Россия (или власть?) царская; обещала «теснить» Россия (или власть?) черновско-социалистическая; теснит сейчас Россия (или власть?) большевико-коммунистическая.

Этой правде пора, наконец, посмотреть открыто в глаза всему Казачеству, не обманывать дальше ни себя, ни других, что касается истинного положения вещей, и — или позволить «теснить» себя до конца и постепенно погибнуть, или — ИСКАТЬ СВОЕ РЕШЕНИЕ СВОЕГО ВОПРОСА.

ДО КАКИХ ЖЕ ПОР ТЫ, КАЗАЧЕСТВО, БУДЕШЬ ЭМИГРИРОВАТЬ?

мана: ...«Вы упомянули, что когда «Донской Вестник» вел проповедь борьбы сначала за Дон и только потом за Россию, это было тактическим заданием Донского командования. Я прошу вас удостоверить, что это практиковалось и раньше, когда ген. Сидорин еще не был командармом».

Ген. Богаевский: Да, это правильно! В нашей армии именно на почве постановки этого вопроса существовала даже так называемая *пограничная болезнь*, когда казаки не хотели переходить границу для преследования врага. Этим они хотели показать, что они не хотят нападать на Россию. Это вредило военным целям, хотя бы даже оборонительным. Приходилось постепенно приучать казаков к сознанию необходимости перейти границу, пойти в Россию драться за Россию».

Ген. Сидорин поставил свидетелю ген. Покровскому следующий вопрос: «Ваше Превосходительство! Я прошу Вас охарактеризовать мое отношение к Главнокомандующему».

Ген. Покровский: «В тот период, когда Донская и Добровольческая армии отошли за Дон, политическая обстановка на Кубани сложилась несомненно во вред Добровольческой армии. Сильная группа кубанских самостоятельных отстаивала идею своей армии, своей внутренней и внешней политики, требовала разрыва с главным командованием... 12 и 13 января на станции Тихорецкой, по инициативе ген. Сидорина, состоялось большое совещание, на котором присутствовали, кроме старших начальников армии, три атамана, председатели Кругов и делегация от Верховного Круга. На это совещание самостоятельные во главе с Тимошенко прибыли со своею большою программой. Но ген. Сидорин произнес сильную речь, в которой указал прямо на то предательство армии, которое совершился кубанцами, и на то, что это предательство поощряется и питается в левой части Верховного Круга во главе с Тимошенко, которые своею деятельности сеют анархию и ведут к поражению. На этом совещании Тимошенко должен был оправдываться. Тогда же мы обсуждали вопрос, как поддержать Главнокомандующего и как вдоворить порядок на Кубани. У меня не было в армии ни одного свободного штыка. Ген. Сидорин предложил послать дивизию. И тогда же он внес на обсуждение свое предложение об изменении существующей организации и о создании Русской армии. Поддержка Главнокомандующему была оказана и нравственная и фактическая» (Трагедия Казачества, часть ІУ-я, главы 4 и 6).

Полк. Калинин спросил у Атамана Богаевского: «Вам, Ваше Превосходительство, известно, что 3-го марта Верховный Круг вынес постановление расторгнуть состоявшееся с ген. Деникиным соглашение и предоставить войсковым начальникам свободу действий, а Донской Круг по настоянию ген. Сидорина это постановление Верховного Круга признал неправильным».

Ген. Богаевский: «Да, это мне хорошо известно. 3-го марта у меня в Екатеринодаре состоялось совещание, на котором Тимошенко спросил меня, не *партии* расторгнуть соглашение? Я ответил отрицательно, но в Вечернем заседании того же дня Верховный Круг вынес постановление о том, чтобы соглашение расторгнуть. 4-го марта на ст. Георгие-Афипской у меня снова состоялось совещание, на котором присутствовали ген. Сидорин, Кельчевский и Улагай. Ген.

Сидорин и Улагай показали мне постановление Верховного Круга о том, что они им освобождаются от подчинения ген. Деникину. Тогда это постановление уже распространялось в войсках. По военной обстановке оно ставило командный состав в необходимость приказом по армии об'явить членов Верховного Круга изменниками, но ген. Сидорин этого не сделал. Он собрал всех членов Донского Круга и настоял, чтобы это постановление было признано неправильным. Круг это сделал и ген. Сидорин донес Главнокомандующему, что он продолжает подчинять ему». (Трагедия Каз-ва, ч. ІУ-я, главы 17 и 18).

Во время своих пояснений к показанию свидетеля Ратимова ген. Сидорин сказал, между прочим, следующее: ...«В то время, когда борьба с большевиками в массе русских людей составляет удел только виками теперь действительно отождествлялась с борьбой ведет поголовно, иногда даже с участием женщин». Да, гражданская война дала Дону раненых в бою матерей и жен и даже женщин инвалидов. Донское Казачество только за время моего командования армией потеряло убитыми и ранеными свыше 150 тысяч своих сынов».

«Да, у Донцов, оказавшихся в Крыму, очередной задачей должно быть завоевание Дона, а не России! И только постановкою похода на Дон, в родные станицы, где они могли бы пополнить свои ряды и вновь тесно связать себя с домом, можно было надеяться поднять боевой дух казаков. Поход на Дон отнюдь не противоречит общему плану похода на большевиков.. И когда об этом заговорил «Донской Вестник», для Донского командования это не было ни неожиданным, ни ошибочным. Донское командование имело свои основания усвоить именно эту тактику. Ибо еще не так давно вся русская армия потерпела от большевиков страшное поражение и только незначительные ее части были перевезены в Крым. Для донских казаков, которых насчитывается всего около двух с половиной миллионов, борьбы с большевиками теперь действительно отождествлялась с борьбой со всем русским народом — с Россией. И надо было казака убедить, что в этом режиме советской власти нет правды, что на Дону должно быть хозяином Казачество, а не Советы; надо было казака повести разогнать все эти Советы и вновь установить свое правление.. «Двухлетний опыт борьбы под лозунгом «за Москву», борьбы, в которой Казачество истекло кровью, так как нет на Дону семьи, в которой не оплакивали бы погибших, он — лозунг «за Москву» — привел к страшной катастрофе, которая надломила душу и веру казака. И не было нужды так неосторожно бросать в массу Казачества этот печальный памяти лозунг похода на Россию, похода на Москву тогда, когда для всех вождей необходимость этого похода была очевидна, когда он вытекал логическим следствием из общей обстановки, утверждал ген. Сидорин.

Ген. Сутулов особенно ярко охарактеризовал на суде неприемлемость для казаков лозунга «На Москву»:

Ген. Сидорин: «Ген. Сутулов два года провел на фронте в непрерывной борьбе, даже не был в отпуске. Скажите, не было ли бы тактическим промахом для командования, если бы оно об'явило поход «на Москву».

Ген. Сутулов: «Если бы командование имело желание отказаться от приведения частей в порядок

Настоящие и будущие судьбы всех Казачьих Войск одна с другой переплетены, одна с другой неразрывно связаны и одна от другой тесно зависят, как переплетены были, как связаны были казачьи боевые силы недавно на фронте против общего врага, и как успех или поражение каждого Войска тесно зависел от успеха или поражения других Войск.

Казачьи исторические судьбы одинаковы. Удел одного Войска — одновременно и удел каждого иного. Не будет счастливого Дона, если будет несчастной Кубань. Не будет свободной Кубань, если не будет свободным Терек, если Астрахань будет в ярме...

Или все Казачьи Войска — от Дона до Яика — спасутся общими силами, собравшись вместе в одном Казачьем Государстве — Казакии, или каждое Войско погибнет порознь.

Ни одно Войско, даже наиболее сильное, не может сейчас решить своей судьбы независимо от Войск других. Каждое самостоятельное, не связное и независимое от решений иных Войск, действие и решение любого Войска ведет неизменно к поражению, к конечному проигрышу казачьего дела.

или содействовать большевикам, оно должно было бы начать именно с разговора о походе «на Москву», коротко и чрезвычайно ясно ответил Сутулов (см.: Трагедия Казачества, ч. III — «Бои на границах России и Дона»).

Совершенно ясно, что все те генералы и русские люди вообще, которые тянули казаков в «поход на Москву», волей иль неволей, содействовали большевикам и губили Казачество.

Ген. Сидорин: «Есть и еще вопросы о мире, об отделении от России. Считаю возможным обсуждать их при закрытых дверях».

Двери закрываются. После чёго, Сидорин спрашивает Атамана Богаевского: «В случае, если бы с Советской Россией был заключен мир, не уполномочил ли бы он своих дипломатических представителей за границей добиваться у союзников признания самостоятельности Дона, Кубани и Терека от Советской России?»

На этот вопрос Донской Атаман дал утвердительный ответ.

Русская политика некоторых вождей запуталась окончательно.

Выше (глава 1-я) почти полностью было приведено содержание наиболее характерных статей из газеты «Донской Вестник», статей, положенных в основу всех административных карательных мер против командования Донского корпуса и в основу обвинительного акта, предъявленного ген. Сидорину и его начальнику штаба. Все эти карательные меры имели целью «раз и навсегда уничтожить гидру казачьей самостоятельности», как говорили тогда русские люди в Крыму.

А как относилась казачья масса к статьям, помещенным в газете «Донской Вестник»?

Ответ на этот вопрос отчасти уже дан в выше приведенных заявлениях Атамана Богаевского и ген. Сутулова. Иные Донские генералы, близко стоявшие к казакам и знавшие их настроение, по этому поводу заявили на суде следующее:

Ген. А. К. Гусельщиков: командовал 3-м Донским корпусом, а по прибытии в Евпаторию — 3-й Донской дивизией.

Ген. Сидорин: (обращаясь к ген. Гусельщиковой) «Замечали ли Вы, что газета «Донской Вестник» вносит вложение в среду не-кадрового офицерства?».

Ген. Гусельщиков: «Нет, это неправда!».

Ген. Сидорин: «Вы присутствовали на совещаниях, которые у меня были. Вы помните, как все начальники мне докладывали, что толпа, прибывшая в Крым, значительно улучшается».

Ген. Гусельщиков: «Да, это правда! Это все мы отмечали».

Ген. Сидорин: «А до этого масса была настроена враждебно?».

Ген. Гусельщиков: «Да, недоброжелательно и, главное, недоверчиво».

Ген. Сидорин: «Возросла ли боеспособность частей за время нашей стоянки в Евпатории?».

Ген. Гусельщиков: «Да, это верно! Я помню, как начальники докладывали, что не хватает только оружия, чтобы идти в бой».

Ген. А. М. Сутулов командовал 2-м Донским корпусом на Дону, а по прибытии в Крым — начальник 2-й Донской дивизии.

Ген. Сидорин (сбираясь к Сутулову): «Известно ли Вам, Ваше Превосходительство, что газета «Донской Вестник», издававшаяся штабом Донского корпуса, разлагала войска и не-кадровое офицерство, призывала к разрыву с главным командованием, посыпала рознь между казаками и добровольцами?».

Ген. Сутулов: «Когда мы прибыли в Крым, я очень много и подолгу беседовал с казаками и офицерами и из этих разговоров выяснил ту огромную нужду, которая ющущалась в газете. Войска желали газету и я доложил об этом ген. Сидорину. Начавший выходить «Донской Вестник» охотно читался казаками и производил хорошее впечатление, главным образом, потому, что там писалась правда о пережитом; замалчивать которой было нельзя. Я должен засвидетельствовать, что «Донской Вестник» много способствовал приведению частей в порядок».

Ген. Сидорин: «Вам известны цели, которые председались газетой. Она разжигала страсти в войсках или умиротворяла их?».

Ген. Сутулов: «Нет, в газете не было разжигания страсти. Наоборот, части постепенно успокаивались и я докладывал, что необходимо скорее закончить вооружение, чтобы идти на фронт».

Прокурор: «Как же относились к газете части?».

Ген. Сутулов: «Хорошо! И казаки и офицеры отзывались благоприятно!».

Полк. Калинин: «Скажите, в критике «Особого Совещания» была разница между «Вестником Верховного Круга» и «Донским Вестником?».

Ген. Сутулов: «Нет, разницы не было».

Ген. Г. И. Долгопятов — все время проводший на фронте.

Ген. Сидорин (обращаясь к ген. Долгопятову): «Имела ли газета «Донской Вестник» вредное влияние на казаков, разлагала ли она офицерский состав, проповедывала ли рознь к Добровольческой армии и главному командованию?».

Ген. Долгопятов: «Газета «Донской Вестник» получалась и читалась в 18-м Донском Георгиевском полку, которым я командую. Офицерства газета не разлагала, никакой розни не проповедывала, всем командным составом одобрялась и была признана полезной. Если бы газета имела разрушительное значение для войск, на смотрах старшее начальство это заметило бы. Смотром же полка были одинаково довольны и ген. Сидорин, и ген. Богаевский, и ген. Брангель».

Ген. Сидорин: «Вы мне не докладывали, что дух полка растёт, что нужно только получить оружие?».

Ген. Долгопятов: «Так точно!».

Ген. Сидорин: «А другие начальники делали тот же доклад?».

Ген. Долгопятов: «Так точно!».

Прокурор: «Неужели только газета создала боеспособность?».

Ген. Долгопятов: «Нет, так никто и не говорил. Боеспособность появилась в результате совокупности

Мы взяли на себя политическо-государственное решение Казачьего Вопроса. Вот почтому и политическое возглавление Казачества даст Вольное Казачество.

Перед нами, вольными казаками, одна цель — Казакия — об'единенное казачье государство. Достигнуть этой цели можно только об'единенными казачими силами. [Возглавить эти об'единенные казачьи силы может только единое политическое командование.

Без этого Казачество своей освободительной борьбы не выиграет и основной своей цели не достигнет.

...Для нас сейчас не подлежит ни малейшему сомнению, что Казачество прошлую борьбу могло выиграть только в одном случае — в случае, если бы об'единилось тогда уже в одну Казачью Державу и не задавалось никакими иными задачами, кроме своих казачьих. Вот почему мы, казаки националисты, не примирившиеся с настоящей долей Казачества, во главу угла своей национально-освободительной программы ставим идею создания одного казачьего об'единенного государства Казакия. Мы глубоко убеждены сами и хотим убедить всех казаков в том, что только в этом выигрыш для нас будущей борьбы, только в этом спасение Казачества сейчас и обеспечение его исторического будущего.

(«ВК» 25 ноября 1935, № 187).

принятых мер. Частною такою мерою была, конечно, газета».

Ген. Сидорин: «А Вам известно, что и офицеры и казаки читали газету?».

Ген. Долгопятов: «Так точно! Газету в полку читали и отзывались о ней хорошо!».

Все эти показания ясно и единодушно говорят о том, что газета «Донской Вестник» в общем отражала настроения казаков, бывших в Крыму.

Больше того, свидетель полк. Бородин заявил следующее: «Когда стало известно, что граф Дю-Шайль привлекается к суду за газету, члены Донского Войскового Круга назначили комиссию, которая дважды изучала газету (всего вышло только восемь номеров) и состава преступления в ней не нашла» (стенографический отчет судебного разбирательства 3-4 мая 1920 г.).

Таким образом, рядовая казачья масса, офицеры и генералы Донской армии и члены Донского Войскового Круга признавали, что газета «Донской Вестник» не только ничего преступного или непозволительного в себе не содержала, но являлась газетой полезной и нужной тогда для казаков.

Иначе на это дело смотрели русские. К ним присоединился и войсковой старшина Трофимов.

Прокурор Дамаскин в длинной речи настаивал на строгом осуждении Сидорина и Кельчевского «за бездействие власти».

Зашитник, полк. Калинин, отметил в своей речи всю несостоятельность предъявленного подсудимым обвинения, закончил свою речь так: ...«Тяжкое мы пережили время, время величайших неправд и величайших беззаконий! Деморализация общества, страшное разложение достигли своего апогея! Но будущий историк русской революции с отрадою вспомнит и укажет на то обстоятельство, что в это страшное время все-таки суд, действовавший по уставам, созданным бессмертным императором Александром П-м, прочно стоял на своем фундаменте. Пусть же будущий историк Дона, когда коснется этого процесса и узнает ваш приговор, скажет: «Да, в эту поистине страшную ночь, которая была на Руси, зерцало правосудия сияло лучезарным светом!».

Прекрасную по силе юридического анализа речь произнес второй защитник Кисель-Загорянский.

Продуманные и искренние речи произнесли и сами обвиняемые. Ген. Кельчевский, между прочим, заявил следующее:

«Господа судьи! Нам поставлено в вину бесдействие власти. 29 лет я пробыл в офицерских чинах и много трудов и энергии положил за время своей службы. Ныне я, стараниями русского журналиста, три раза водивший полк в штыковую атаку и слышавший лязг штыка о человеческие кости, обвиняюсь в бесдействии власти. За свою 29-летнюю службу мне приходилось подвергаться многим испытаниям и теперь, я прохожу новый стаж, и я уверен, господа судьи, что для этого стажа вы признаете меня негодным».

Но... после двухчасового совещания военно-морской русский суд приговорил обвиняемых «к лишению воинского звания, чинов, орденов и дворянства и к четырем годам каторжных работ».

Судебный приговор был передан на утверждение ген. Врангеля, который изменил решение суда, что и опубликовал в своем приказе: «Во внимание к боевой доблести Всеевеликого Войска Донского и заслугам его в борьбе за общее дело воссоздания России в быт-

ность осужденных во главе Донской армии, принимая во внимание ходатайство Донского Атамана, заменяю назначенное судом генералам Сидорину и Кельчевскому наказание — увольнением их от службы в дисциплинарном порядке, лишая их, с согласия Донского Атамана, права ношения в отставке мундира».

Так грубо русские «белые» расправились с теми казачьими генералами, кто десятки лет верой и правдой служил России и имел высшие императорские награды за эту службу; кто, как огня, боялся сепаратизма и самостийности; кто в 1919 г. сделал все для того, чтобы потянуть казаков на «Московскую дорогу»; кто в начале 1920 года приложил все силы к тому, чтобы не допустить проведения в жизнь постановления Верховного Круга Дона, Кубани и Терека о самостоятельном казачьем государстве и о разрыве с ген. Деникиным. И расправились только потому, что в Крыму Сидорин и Кельчевский разрешили издание небольшой казачьей газеты при Донском корпусе, газеты, которая, начиная уже с четвертого номера, начала поддерживать политическое и военное соглашение казачьих Атаманов с ген. Врангелем, которая, по существу, снова поддерживала «белых»...

Донской Атаман Богаевский хорошо понимал, какую недопустимую для казака роль сыграл он во всем этом деле. И он спешил защитить себя от справедливого приговора истории.

Проезжая из Крыма в Париж (по поручению ген. Врангеля) председатель Донского Войскового Круга В. А. Харlamov сделал в гор. Константинополе информационный доклад для членов Донского Круга, находившихся в Константинополе, и в этом докладе отвел соответствующее место и для оценки роли Богаевского в этом новом конфликте.

Узнав сб этом, ген. Богаевский послал В. Харламову следующее письмо:

«Многоуважаемый Василий Акимович!

Я был очень огорчен, узнав, что, докладывая членам Круга о том, что делается в Крыму, Вы в таких непривлекательных красках очертили мою роль в процессе Сидорина и Кельчевского. Я далек от мысли сеовать на критику моих действий в чем бы то ни было, но все же я мог ожидать от Вас, Василий Акимович, более доброжелательного ко мне отношения.

Я сделал все, что было в силах, дабы не было такого ненужного и позорного процесса, и Вы знаете это... На суде, как свидетель, я говорил только хорошее о Сидорине и только мне обязаны он и Кельчевский, что Врангель не утвердил приговора в полном об'еме. А зачем же в докладе нужно было выставлять меня, как предателя Казачества, в лучшем случае, как беззывного, ничтожного человека, по ошибке избранного Атаманом.

Я хорошо знаю, что Сидорин и Кельчевский уехали заграницу моими врагами и будет время, когда я жестоко это почувствую. Но, будьте справедливы: вполне ли правы и они? Вот уже два года, как мы работаем с Вами на пользу Дона. Я верил в то, что наши отношения искренни. Грустно разочаровываться в этом, в особенности теперь, когда я так одинок».

И снова ген. Богаевский лицемерил. Неужели он, хотя иногда, не сознавал, сколько зла принес он Казачеству своей политикой, своим покорным преклонением перед Деникиным и Врангелем, своей сознательной, последовательной и упорной борьбой против стремления Казачества укрепить свою государственность и не вмешиваться в русские дела.

(Продолжение следует).

ГЕН. А. И. ДЕНИКИН О КРАСНОЙ АРМИИ.

Ген. Деникин, к глубокому несчастью нашему, водивший казаков на Москву, командовавший казаками (к не менее глубокому несчастью) в борьбе с русской красной армией и сам с ней воевавший, теперь советует эмигрантам «не хулить советское офицерство, ибо на него следует возлагать надежды»... («Возрождение», 14-го января 1938 г.)

Интересно, что скажут по этому поводу друзья и последователи Деникина из казаков, особенно те, кто там активно помогал ему бороться с казачьей самостийностью? Любопытно было бы послушать сейчас тех, кто там всячески боролся за то, чтобы казаки какнибудь не вышли бы из под власти Деникина. Или — им нечего сказать по этому поводу? Или и они, вместе с Деникиным, возлагают свои надежды на красную армию?

И. И. ЖЕЛЕЗНОВ.

Мысли казака о Казачестве

(Собрал А. Ленинов).

Многим, вероятно, известно, что казак — природный казак — лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное. Но почему казак типичен, оригинален, самобытен и самостоятелен, — вот это, вероятно, не многим известно. Без сомнения, подобные мысли не многим приходили в голову, но и зайдя кому-нибудь господину в голову, эти мысли не имели правильного исхода — не переваривались как следует. На эту тему можно написать огромную диссертацию, но я на первый раз ограничусь небольшой заметкой.

Казачье сословие образовалось не вследствие кабинетных проектов, а сложилось само-собою еще в то время, когда на Руси не знали проектов, когда русская земля, вследствие исторического и географического своего положения, не способна была рожать казаков — этих ужасных варваров, которые чуть-ли не первые из русских, соединясь с Литвой и Польшей, осмелились поднять руку на татар, угнетавших Русь. Короче, казаков — создала сама природа, без спроса и совета людей: вот отчего казак — лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное.

Между тем в настоящее время, когда умные и благомыслящие люди хлопочут об устройстве железных дорог, поднимают и трактуют разные современные и, конечно, полезные вопросы, встречаются, к сожалению, такие люди, которые хлопочут или, по малой мере, мечтают об устройстве новых общин казачьих. Это люди, по преимуществу, или полуаристы, или полутористы, или полуадминистраторы, или, наконец, полулитераторы, имеющие притязание на многостороннее знание быта народного, верующие в непогрешимость своих взглядов и выводов, словом, люди, почитающие себя специалистами по всем частям общественного быта и устройства, люди... но титул их слишком длинен. Чтобы сократить его, я просто-на-просто назову этих господ проектерами. Они, эти проектеры, думают и верят, что на известного рода началах, необходимых и крепких, как цемент, для службы регулярной, по-просту казарменной, лагерной, не неудобоприменимых к образу жизни казачьей, можно из кого угодно и где угодно завести сейчас колонии и создать из них новые общинны казаков. Проектеры и сами заблуждаются, и тех, кто над ними поставлен, вводят иногда в страшные ошибки. По моему мнению, которого я однако же никому не смею навязывать, особенно проектерам; они идут своей дорогой и их не скоро сбьешь с нея... По моему мнению, это значит насиловать природу.

Пишут, что за границей, именно во Франции, разводят искусственным образом рыбью-форель, что учёные занимаются искусственным разведением форелей с успехом. Но применена ли теория на практике, т. е. вошло ли искусственное разведение рыбы в число отраслей промышленности, словом, введено ли оно в область сельского хозяйства, и можно ли ввести его в область сельского хозяйства, — не знаю. Достоверно знаю только то, что по известиям и наставлениям, почерпнутым из французских журналов, пробовали на Урале, в Гурьеве-городке, разводить рыбью-севрюг, но результат был самый плохой, меньше нуля. Не только не родился ни один мещенник-севрюженок, но и икряные севрюги-матки умирали, не выметав икры, несмотря на то, что их держали в отлично устроенных чанах и в речной, проточной, и в морской воде, со всем комфортом, со всеми удобствами, как было изложено на бумагах, а на бумагах было изложено так ясно, так отчетливо, как нельзя лучше.

От редакции: Читая мысли Железнова, уральского казака, которые, возможно, покажутся некоторым несколько «наивными» по своей аргументации, не следует забывать, что писаны они наименьше 80 лет тому назад. Главная мысль Железнова: казаки от казаков ведутся, т. е., что казаки не произошли от русских беглых, а имеют свою собственную историю и самостоятельное «самозарождение»...

ш... Скажут: не умели за дело взяться. Но, может быть, дело это слишком мудро, может быть, за это дело мудрено взяться и профессору естественных наук, потому что форель и севрюга — две рыбы совершенно разные: форель может жить и в чашке, а для севрюги нужна широкая и глубокая река, да раздельное море, потому она и зовется: красная рыба. Но, как бы то ни было, из неудачных попыток к разведению севрюг, я вижу одно, что надо быть слишком мудру, чтобы безусловно покорять себе природу и заставлять ее плясать под свою дудку. А много ли таких мудрецов отыщется?.. Первой, другой, да и обчелся.

История упоминает, что во времена глубокой древности египтяне умели посредством какого-то секрета, выводить искусственным образом цыплят. Потом, в новейшее время, в Англии, говорят, придуманы какие-то печи или что-то другое в роде печей, посредством которых выводили и выводят из яиц, без участия наседок, целыми тысячами цыплят... Не отрицаю всем и каждому известной истине, что цыплят выводят паром, я однако же, вполне убежден, что паровые цыплята выходят на самом деле плохие...

Говорю все это к тому, что думать и составлять проекты, — как-бы создать новые казачьи общины или к существующим уже причислять мирных земледельцев, например государственных имуществ крестьян, или людей, ведущих жизнь пастушескую, например, киргизов — это, смею думать, не что иное, как искусственное разведение севрюг и цыплят.

Еще из кочевника-пастуха, живущего, вместе с волками, в пустынных степях, может выйти что-то среднее между казаком и солдатом, но ни настоящего казака, ни настоящего солдата не выйдет, а выйдет скорее хорошо вооруженный хищник, который не будет давать спуска ни чужим, ни своим... а ведь это неутешительно. Но из земледельца, наследовавшего от предков своих сохи и борону, из земледельца, в жилах которого и кровь-то вращается не совсем быстро, по земледельчески, из земледельца, большей частью перебивающегося из куска на кусок, из земледельца, носящего посконную рубаху и лапти и незнакомого с употреблением ситца и сапог, — смело говорю, не может выйти настоящий, так сказать, неподдельный казак, который был бы в одно и тоже время: и воин храбрый, и гражданин мирный, и семьянин хороший, и человек зажиточный. Без последнего качества или условия он казаком быть не может, а ежели и велят ему быть казаком, то глядя на него со стороны, наплачешься, а имея дело по службе — наплашешься...

Солдат из земледельца — что и говорить — выходит превосходный, безподобный, но между солдатом и казаком разница слишком огромная: между солдатом и казаком нет параллели. По своему положению в государстве и по своему отношению к службе, солдат и казак два существа совершенно разные. Вот, в кратких словах, доказательства.

Мужика, взятого в солдаты, казна принимает на свои руки чистого, в чем мать родила. Казна обувает и одевает, поит и кормит солдата, дает ему и квартиру, и оружие, и лошадь, ежели он кавалерист; словом, солдат весь век живет на всем готовом. От солдата от самого зависит жениться или нет. Он может жить без жены, как и живет наибольшая часть солдат без жен. Если-же солдат женится, казна дает принять и жене его. Если у солдата рождается сын, казна одевает, кормит и сына его. Для солдата весь мир заключается в рюте, где он служит, в казармах и лагерях, где он живет. Солдату нет надобности ни до каких стихийных явлений и воздушных перемен, нет никаких надобностей ни до каких общественных бедствий: ни засуха, ни голод, ни скотский падеж солдата не касается: он всегда силен, обут, одет. Дело солдата: знать военные артикулы и больше ничего.

Но дело казака — совсем иное дело. Казак только на внешней службе, т. е. на службе вне родины, получает от казны паек провианта и несколько ле-

нег на приварок, на табак и т. п. Во всякое же другое время, казак должен сам себе добывать насыщенный хлеб. Но одевается казак, как на внешней службе, так везде и всюду, всю жизнь на свой счет: лошадь, седло, оружие, амуниция — словом все, от подковного гвоздя до последней нитки, у казака свое, — казне до всего этого дела нет: начальство требует только, чтобы у казака все было чисто, хорошо, опрятно и по форме.

Казак не может быть без жены, следовательно и без семейства: в противном случае потомства, следовательно, и Казачество, не будет. Женившись, казак должен обзаводиться домом и хозяйством, чтобы было где и на что жить с женой. У казака родились дети — казаку самому нужно иметь попечение о детях, нужно обуть, одеть, прокормить их, нужно умозрому научить: другим никому до этого дела нет.

Казака посылают на внешнюю службу на четыре года, например, в Москву: казак оставляет на родине старика-чтца и старуху-матер, «молоду-жену» и малых штучек. Как без него они будут жить? Что будут делать, что будут есть? За все про все отвечает казак, все это лежит на его «могучих плечах», все это чует «грудь, да подоплека его»: другим никому до этого дела нет.

Сделалась засуха, сделался неурожай, открылся голод: у казака душа не на месте, а ему говорят: «не тужи, тридцати пятилетний термин верой и правдой служи, а о семействе сам промышляй: это твое, говорят, дело».

Сделался падеж на скот, пали у казака в доме последние коровенки, питавшие его детей, пала у казака на службе строевая его лошадь: казака в дугу гнет, у казака кожа трещит, ум за разум заходит, а ему опять говорят: «не тужи, положенный термин верой правдой служи, а лошадь для себя, чтоб царская служба не стояла, где хочешь добывай, это твое дело, и о семействе, как знаешь промышляй, и это, говорят, твое дело».

Между солдатом и казаком разница слишком огромная. Поэтому из крестьянин, большую частью перебивающегося с куска на кусок, нельзя, повторяю, создать неподдельного казака. Отребье казачье выйдет, особенно если благородный казачий класс, разумея офицерство, не выкинет из головы пошлое и дикое убеждение: держать простого казака, аки смерда, в черном теле, чтобы с жиру не баловался.

Не спорю, не мудрено, пожалуй, на мужика надеть, вместо шляпы — казачью шапку, вместо армяка и полушибутка — мундир, не мудрено дать ему в руки вместо косы и серпа — пику, ружье и шашку: не мудрено приучать его шагать нога в ногу и поворачиваться, как на пружинах — на это способных людей много отыщется, но мудрено поставить его в такое положение, чтобы он, без истощения жизненных сил и без утраты нравственных начал, имел возможность содержать и дом, и семью, находясь при том от них три-четыре года в отсутствии, на службе, и одевать себя в мундиры из гвардейского сукна: мудрено, даже совершенно невозможно, заложить в него ту закваску, — что и главное-то, — которая лежит в основе действительного, неподдельного Казачества, мудрено и невозможно вдохнуть в него тот благотворный дух общины, дух братства и товарищества, — дух, который присущ каждому природному казаку, — дух, без которого нет и не может быть общества.

Я не говорю, что новобранец-казак (приписной казак) не приобретет некоторых ухваток и соровок, годных для того, чтобы при удобном случае и при верной оказии, — а случаи и оказии часто представляются при полицейской службе, — сорвать с кого «семитку» или платок. Эти качества, к сожалению, скорее всего к нему привыкнут, особенно при полицейской службе в каком-нибудь городе. Но ведь эти качества не составляют достоинства казака или кого бы то ни было. За эти качества ныне сажают в острог. Кажется, так? Можно казака — новобранца вышколить на кой-какие лады манеры: но попробуйте-ка настроить его на тот тон, которым звучит настоящее Казачество — вы убедитесь, что шило море не нагреешь, из глины хлеба не испечешь и т. п. Вообще про казака, не рожденного от природного казака и, главное, не выросшего в сфере казачьей

жизни, можно безошибочно сказать: «Федот, да не тот!»

Быть может, укажут мне на знаменитых пластунов — Черноморцев, оказавших в последнюю войну и теперь оказывающих, при постоянной почти каждой-дневной борьбе с горцами, чудеса ловкости и предпримчивости и скажут: «Вот-де, казаки, община которых устроилась недавно, в конце царствования Екатерины II». А я, в ответ на это, скажу вот что: да из каких-же элементов сложилось Черноморское казачье Войско? Разве неизвестно нам, что Черноморцы не крестьяне, а отпрыски того могучего, никогда совсем не увидавшего древа, что мы называем Казачеством!

Еще, может статься, укажут мне на Оренбургское казачье Войско, к которому, тоже не очень давно, причислено более чем от пятидесяти тысяч землемельцев и солдат, считая тут, разумеется, и старых, и малых. — Так: но, что-ж из этого? — Скажут-ли мне что это было нужно? — Да я против того ни слова. Скажут-ли мне, что новые казаки — народ славный, хорошо служит? — Да я об этом не спорю.

А я скажу все-таки только то, что сказал в начале статьи: «Многим, вероятно, известно, что казак — природный казак, — лицо типическое, оригинальное, самобытное и самостоятельное». — Спрашиваю же я теперь самих оренбургцев, коренных оренбургцев, пусть они скажут: в какой мере новобранцы — казаки сравнялись в этом смысле с ними, с коренными оренбургскими казаками, происшедшими по прямой линии от древних волгских, стало быть, донских казаков?..

Позвольте сделать сравнение. Хотя и говорят иные, что сравнение не есть доказательство. Но в этом деле, о котором я говорю, сравнения не могут быть совсем исключены из числа доказательств, по крайней мере, сравнения тут необходимы; ими уясняется предмет, а это-то и важно. — На Урале, наши казачки великие мастерицы приготовлять из молока так называемый варенец — вроде желе, но только не сладкого, а кислого, или кисловатого. Но этот варенец тогда только бывает хорош и вкусен, когда казачка заквасит его хорошим кислым-же молоком. В противном случае, не от молочной закваски, а от другой, например, от хлебной, варенец бывает дурен и безвкусен: тогда его и варенем нельзя назвать: тогда имя ему простокваша, а уже куда, Бог с ней, не вкусна эта простокваша! Вот и значит, что насколько материал, настолько-же, если не больше, и закваска нужна для того, чтобы вышло что-нибудь путное и хорошее.

Чего доброго, прожектеры схватятся за только что высказанную мною мысль о закваске. Они, пожалуй, скажут, что надежда в будущем, что ежели землемельцы, обращенные в казаков, будут плохие воины, плохие наездники, то потомство их улучшится, особенно-де при хорошей закваске, т. е. ежели в общество крестьян, обращенных в казаков, бросить горсть-другую настоящих казаков. — О, Боже мой!.. Не очень легко улучшить породу лошадей: мы и с этим-то делом, плохо ладим, а мы еще захотели бы улучшить породу людей: для этого, говорят, мы еще не доросли. Тут, т. е. в улучшении породы людей никакая искусственная закваска не поможет: времена не те, обстоятельства не те, нравы не те, наша, наконец, Русь не та, что была при князьях и царях... Безспорно, можно и должно стараться улучшать быт людей, но не обращением их в казаков, не увеличением числа казаков. Это будет в тягость обращаемым в казаков, а не в облегчение. Это будет отчасти хорошо для... Знаете-ли для кого? Для нашего брата, казацкого офицера: тогда, извольте знать, всякого рода должностей для нас будет больше, а должности для нашего брата, говоря откровенно, то-же, что для рыбы вода, для птицы воздух — такое уж положение наше, такая уж судьба наша. Вот ежели смотреть на увеличение числа казаков с этой, я назову офицерской точки зрения, прожектеры, пожалуй, не ошибаются, т. е. говоря по-просту, они попадают пальцем в небо.

Не колеблясь, можно сказать, что прожектеры смотрят на все преобразования или на большую часть преобразований в казачьих общинах с этой офицерской точки зрения: но в проектах своих толкуют об общечеловеческих интересах: от всех прожектерских

предначертаний, от всех докладных записок и тому подобных бюрократических хитросплетений, так и веет гуманными идеями, потому что везде на первом плане стоит высокая цель: улучшение быта народного!

Прочитав один из таких проектов, особенно, прослушав самого составителя проекта, когда он в припадке увлечения, пустится трактовать о любви к младшей братии, невольно подумаешь: «благодать Господня!». — Но как взмоторишься в дело, так совсем иное видишь: развитые в проекте мысли об улучшении народного быта, при применении к делу, улетучиваются, как эфир. Отчего? — Да оттого, что господин, чертящий проект, смотрит на предмет с ложной точки зрения, ей же имя: офицерская. Отсюда и следует, что все предполагаемые улучшения живут только на бумагах, по отчетам, а на деле ничего нет, хоть и не ищи: вотще труды пропадут.

Всякий проект о преобразовании должен идти рука-об-руку, — мало того, всякий проект должен совершенно прилаживаться, пристраиваться, припаиватьсь, сростаться с самим делом, а проекты тех, кого я называю полуартистами, полутуристами, полуадминистраторами, полулитераторами, проекты этих господ идут напролом, не разбирая ни обычаяев, ни преданий, ни местных условий, одним словом, попиная все, что составляет заветную, нравственный основу жизни человека. — Проекты этих господ ни на волос не уклоняются от того направления, какое получают от толчка, даваемого с офицерской точки зрения, а на-против, сами они, эти проекты, всякое человеческое дело пригибают к своим бюрократическим формам: оттого-то всякое человеческое дело искается, утрачивает все человеческое и потому уже становится к жизни в ложное положение, а где ложь, там и спутница ее — мерзость.

Обратите внимание на крестьянина в Архангельской губернии... Что делать? Дело пошло на сравнение. — Обратите внимание, говорю, на крестьянина Архангельской губернии... на так называемого помора. Кто он? Простой мужичек не упражняющийся ни в каких гимнастических штуках. Но под рукой у него океан, или сам он под боком у океана: оттого-то он бесстрашный, отважный и ловкий мореплаватель, рыскающий по океану на утлой ладье за куском наущенного хлеба. Но выслушите океан — что выйдет из отважного моряка? Ремесленник, торговец и т. п. Это-же можно сказать и про Казачество. Оно... но позвольте сделать еще одно, последнее отступление.

На заглавном листе одного из наших повремен-

ных изданий есть эпиграф, взятый из старинной грамоты: «Помяните одно: только коренью основанье крепко, то и древо неподвижно: только коренья не будет, — к чему прилепиться?». — Понятен глубоко-нравственный смысл этих слов, понятно и то, зачем «Русская Беседа» выбрала эти слова своим эпиграфом: об этом нечего говорить. Но зачем, с какой стати слова эти попали в мои заметки о Казачестве? Вот вопрос, который, может статься, зададут себе читатели. В ответ на это я скажу вот что: слова эти, или изречение это по своему складу мне нравятся и я, не погрешая против здравого смысла, что и важно, хочу через эти самые слова, или чрез это самое изречение провести свою особую мысль в применении к вопросу о Казачестве. Будьте внимательны!

Когда Казачество, руководясь коренными, основными, из самой жизни вытекшими, а не сочиненными кем-либо из проектировщиков, правилами, боролось с татарами и другими враждебными народами — это значит было у него коренье, — тогда оно было Казачество во всем обширном смысле слова. А как пришло время, что бороться уже не с кем — и слава Богу! — Это значит коренье у Казачества стало присыхать... Ежели еще и держится Казачество... Заметьте, держится только, а не процветает, — т. е. в смысле Казачества — как было в старое время, ежели, говорю, и держится еще старое Казачество, ежели оно и не совсем еще выдохлось, т. е. не совсем утратило тот букет, которым и теперь от него повеет, это оттого, что:

Во-первых, закваска в нем положена не рукой человека-проектировщика, а временем и обстоятельствами, или как я уже сказал, самой природой.

Во-вторых, коренье его, лелеянное в течение нескольких веков самой природой, успело проникнуть в почву жизни и настолько всосать в себя жизненных соков, что остатками этих соков доселе еще, благодаря Бога, поддерживается пока старое Казачество. Но коренью вновь насяждамо Казачество, при современной обстановке и при искусственной политики, смею думать, во веки-веков не разростись и не проникнуть на такую глубину, куда во-время оно достигало коренье первобытного, неподдельного Казачества! Чтобы иметь плод от таких рассадников, нужно вернуться назад, а это не в порядке вещей.

(Москва 1857 г. Из книги «Уральцы (Очерки быта Уральских казаков)». Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. Стр. 301-314. Т. П. Издание 3-е, посмертное. С. П. Б. 1910 г.).

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА — В ЕГО ОБ'ЕДИНЕНИИ.

В недавней борьбе Казачество было раз'единено. Каждое Войско шло своим путем.

О нашем раз'единении там старались наши противники — белые и красные.

К сожалению, мы сами тогда недостаточно работали над своим об'единением. Верховный Круг Дона, Кубани и Терека был создан поздно...

За четырнадцать лет заграницей у казачьей эмиграции было много атаманов и очень мало полезного для Казачества дела. Если бы не работа ВК, казачья эмиграция политически уже бы не существовала.

Сейчас «беженская» программа, об'явленная донской старшиной, казачьего вопроса не решает и не удовлетряет даже самих «русских казаков». Та часть казачьей массы, которая не разделяла до сего времени ВК программы, тоже начинает сознавать, что лишний полковой музей, хотя бы и казачий, большому казачьему делу ничего не поможет.

Раз'единенные Казачьи Войска враги наши легко побили там. Раз'единенная казачья эмиграция ничего не сделает отсюда для дела скорейшего освобождения Казачества из-под Московского ига.

ВК выдвинуло программу борьбы за освобождение Казачества и за создание об'единенного Казачьего государства — Казакии.

Осуществлению этой программы должно быть подчинено все остальное. Все иные интересы должны быть отодвинуты на второй план.

Для осуществления этой программы необходимо, прежде всего, об'единение Казачества, а в первую очередь его заграниценного представительства — казачьей эмиграции — около программы ВК и единое политическое командование — единое возглавление казачьей эмиграции.

В полном сознании всей тяжести взятой на себя задачи и лежащей на нас за ее решение ответственности, вольные казаки, казаки-националисты, в настоящий критический для судьбы Казачества момент обращаются ко всем казакам с предостережением:

Раз'единенных — нас побили. Раз'единенное, разделенное по Войскам, Казачество своей доли не отстоит, своей борьбы не выиграет, своего исторического будущего не обеспечит.

Мы не против каждого Войска, но мы — за об'единение их в одном государстве, мы — за об'единение сейчас уже казачьей эмиграции под единным политическим возглавлением.

ЕФ. ЯКИМЕНКО.

За патронами

(Воспоминания).

Несколько дней спокойно отдыхали мы в станице Егорлыцкой, окруженные заботами братьев донцов. Не проходило дня, чтобы в сотню не прибывало несколько человек пополнения. Прибывающие все были казаки ближайших кубанских станиц, все пластуны. Конных направляли в кавалерию, если приходили с лошадьми.

Как то под вечер прибыло десятка три во главе с подъесаулом Л... Выстроили сотню. Распределили прибывших по взводам. Взводный портупей юнкер 3-го взвода был весьма сконфужен, когда в его взвод, на положение рядового, назначили этого лихого подъесаула.

На душе было хорошо. Пришел праздник и на нашей улице. Мы чувствовали, как из «кадет» превращались в казаков, в казачьи сотни, казачьи полки.

Командир сотни приказал выложить все патроны, сколько у него имеется. Каждый мысленно задал себе вопрос: «следует ли вынимать и неприкосновенный запас из «сидора»? Мы то всегда были уверены, что об этих 3-4 обоймах командир сотни не знает.

Как бы в ответ на наши мысли, слышим:

— Все пратроны выкладывайте — и те, которые храните в вещевых мешках! — приказывает командинер сотни.

Вынули все патроны, ибо знали, что ими нужно поделиться с прибывшими казаками. Не больше, как по три-четыре десятка пришлось на каждого с теми, которые были доставлены из патронной двуколки. Это были последние, т. наз. «медведовские» запасы.

Все чувствовали, что предстоит поход и серьезный бой. Как только с распределением патронов было конечно, командинер сотни приказал взводным осмотреть винтовки, амуницию, снаряжение. Такое приказание часто отдавалось, но всегда при осмотре все было в порядке, т. к., совершая месяцами поход в исключительно трудной и никакими полевыми установками не предусмотренной обстановке, каждый все содержал в порядке, хотя ничего особенного у нас и не было... Винтовка всегда была чисто вычищена, опрятность в одежде юнкера соблюдали.

Все эти приказания и некоторые другие распоряжения убедили нас, что поход состоится не позже завтрашнего утра. Так и оказалось.

На другой день, после завтрака, приказано строиться и идти на сборный пункт. Выстроились, пошли. Весь полк в сбре. Начальствующие лица на местах. У всех отдохнувший, бодрый и веселый вид. Даже командинер батальона полковник В. И. Крикуновский, всегда мрачный и молчаливый, как то повесел, по-молодел.

Вот и командинер полка. Соответствующие команды поданы. Поздоровался. Дружно ответили. Начинает говорить речь.

Любили мы слушать эти речи перед походом. Нам нравился тот тон и апломб, с которым он говорил, а также и тот юмор, которым всегда была пересыпана его речь. Остался он себе верен и на этот раз.

Начал с того, что вот, мол, получил уведомление от артиллерийского склада явиться за получением патронов и других боевых припасов. Правда, где находится тот склад, в уведомлении не указано, но все же за получением патронов иди надо, а когда, мол, вернемся, то и тут можно будет спокойнее сидеть...

Кончил командинер полка. Стало расходиться по «кояям» (садиться на подводы), вытянулись и по дороге, местами уже пыльной, двинулись.

Пасха в том году была поздняя, как и теперь, и поход этот за «получением патронов» имел место на пасхальной неделе в конце апреля 1918 года.

Мы, казаки, сразу же поняли, что путь держим на Кубань, где уже начинают наши братья борьбу с прещельцами. Чувствовали мы, что не как «кадетов» будут там встречать нас, а уже, как своих, казаков.

Поздно приехали в станицу Незамаевскую. Расквартировались. Навсегда осталось у меня в памяти

то радущие и та заботливость, с какой отнесся к нам казак Н., у которого мы стояли. За весь поход, если не считать ст. Медведовской, мы первый раз ощутили на себе столько внимания и забот.

Вкусный ужин и крепкий сон в повалку на соломе закончил день.

Утром замечаем, что в станице совсем не такое настроение, какое приходилось видеть раньше, проходя станицы. Этого состояния даже нельзя передать. Видно было, что многие собираются с нами. Отсыпают из земли винтовки и патроны.

Насмешила нас одна казачка. Греемся во дворе на солнышке. Приходит молодая, совсем миловидная казачка. Внимательно на нас посмотрела. Установила свой взгляд на тесак портупей-юнкера и золотой темляк и обратилась именно к нему. Она его, вероятно, приняла за большое начальство, т. к. обратилась именно к нему, а не к офицерам, сидевшим тут же...

От портупей-юнкера она добивалась правды: «кадеты» мы или казаки? Он ей ответил, что казаки. Некоторые юнкера назвали даже свои станицы, а были тут и казаки соседних станиц.

— А зачем это тебе, тетенька? — осведомился портупей-юнкер.

— Та тут гоню своего пройдисвіта (это она так называла мужа), щоб ішов бояків бить, а він каже: з кадетами не піду! Що вони нам? З козаками піду...

Кончилось тем, что она попросила, чтобы с ней пошел кто либо и «ростовмачив її пройдисвітові», что это не кадеты, а казаки...

С разрешения командинера сотни, отправился один казак соседней станицы, только что несколько дней перед тем прибывший в сотню, и один юнкер-казак В. М. Безуглый (казак ст. Старомышастовской, впоследствии тяжело раненный в Ставр. губ. под с. Дубовка, умер в Екатеринодаре. Смерть последовала не столько от тяжести ранения, сколько от недосмотра, т. к. несколько дней раненным в Екатеринодаре на вокзале пролежал в теплушке без медицинской помощи).

Через некоторое время они вернулись вместе с «пройдисвітом». Это был бравый казак, с несколько хитрой улыбкой, осторожный, степенный и мало разговорчивый, как и вообще Черноморцы. Командинер сотни «забалакав» с ним. «Забалакали» казаки и юнкера. Это его окончательно убедило, что мы казаки, а не «кадеты». Нас это особенно радовало, т. к. эта кличка «кадеты», приклеенная нам весьма не кстати, много вредила нам в деле изгнания красных из казачьих станиц.

После юбода двинулись дальше и перед вечером достигли хутора Х. Там был как бы большой привал, но видно было, что привал этот вызван тактическими соображениями.

Первые сумерки спускались на землю, когда мы выехали из хутора. Теперь уже всем, знаяшим здешнюю местность, была ясно, что идем в сторону станицы Сосыки, может быть на самую станцию, а может быть в какой либо соседний пункт. Только потом мы, рядовые бойцы, узнали все подробности операции.

С хутора выезжали медленно, шагом. Сотня наша идет в ариергарде. Со стороны хутора бегут два человека. Машут, чтобы остановились. Задняя подвода задерживается. Подбегают два рослых казака. Один с берданкой, — другой с дробовиком.

С радостью потеснились на подводах и приняли их. Неутомимый остряк, покойный юнкер Манжула (ст. Динской), обращаясь к казаку с дробовиком, говорит ему:

— Е, казаче, у цьому складі, куди ми їдемо получать патрони, на твоє ружко патронів не буде...

— Та я їх, анцихристів, силлю, або кукургузою буду стріляти, а порох у мене є, — ответил решитель но и серьезно казак.

— Как это солью да кукурузой? — несколько наивно спрашивает юнкер В. (русский).

— Е, бачу, що ви ніколи ни крали кавунів на

чужому баштані, або грушок у чужому садку, — серьезно, хотя и с улыбкой, ответил казак.

Так в пустых разговорах и остротах летело время. К полночи все несколько утихи, подремывали на подводах.

Получено приказание встать с подвод. Встали, расправили затекшие члены. Выстроились. Двинулись по оврагу. Один из прибывших на пополнение казаков объясняет мне, что это как раз межа такого то и такого то юрта. Он назвал и станицы, да теперь это вылетело из головы.

Идем степью. Еще ночь, но приближение рассвета заметно. Тихо и медленно начинаем разворачиваться. Один полк нашей бригады принимает вправо. Осмотрелись и видим, что из нашего полка только один батальон здесь. Вероятно, первый уже прошел вперед, а может — вправо или влево. После выяснилось, что первый батальон был направлен на станцию Сосыка-Ейская. На него была возложена задача перерезать путь отступления большевикам на г. Ейск. Задача полностью выполнена не была. Когда сотня (кажется вторая, ею командовал подъесаул Е.Т. Носак), не выполнив задачи, напоровшись на пулеметы, стала отходить, то даже раненых не смогли вынести, отступая. Их местные железнодорожники добивали ключами... Такая неудача произошла потому, что сам командир сотни, весьма храбрый и отважный человек, идя впереди, одним из первых был ранен, к тому же тяжело, но продолжал руководить боем. Сотня, неся огромные потери, стала спешно отходить. Остался раненым и командир сотни, которого тоже, как он мне говорил потом, ударили несколько раз по голове большим разводным ключом. Да это подтвердили и шрамы на его голове.

Все это происходило еще до рассвета. Стрельба, ружейная и пулеметная, была слышна, когда мы стали разворачиваться в боевой порядок.

Вот уже и рассвет, вот и утро, весеннее, теплое, солнечное. Перестрелка, завязавшаяся еще до рассвета, постепенно переходит в бой. Продвигаемся вперед. Вот перед нами и станция, и станционные постройки, и поезда, поезда без конца.

Бой этот был несколько необычный. Мы вели наступление на узловую станцию, где, считая дымки паровозов, мы определили 6-7 броневиков. Сколько их было на самом деле, не знаю. Необычность была в том, что раньше железной дороги мы всегда избегали, как черт ладану, а тут сами лезем «льву в пасть».

На станции Сосыка уже вполне определили положение. Артиллерия противника бьет довольно часто, но все по «журавлям». Огонь большевики развили уже сильный, но поражений еще нет, еще это не настоящий бой. Мы, конечно, не стреляем. Стрелять будем после, во время настоящего боя, настоящего дела.

Предпринимаемые перестроения и приказания говорят за то, что вот сейчас перейдем в настоящее наступление, а пока до этого мы только «шили».

Сокращается дистанция между нами и противником. Пули уже ложатся рядом. Быстро, почти бегом, продвигаемся вперед. Противник вынужден менять прицел, делать пристрелку заново. Значит опять выиграна минута, другая. Последние бугорки пройдены. Теперь местность открыта, покатая в сторону станции. Противник развивает бешеный огонь. Точно пчелиный рой, жужжат пули. Уже есть раненные. Открываем огонь и мы. Огонь дружный, верный, дисциплинированный. Дальше продвигаемся перебежками. Впереди какие то две одиночки, скосившиеся на бок, хатенки.

«Вот бы к ним добраться, к ним!» — мелькает в голове у каждого. Но мелькает и уверенность, что

большевики не выдержат до того момента, когда мы зайдем этот «хуторок».

Дальше передвигаться можно только перебежками. Огонь очень сильный. Шестая сотня — левее нас, ближе к пологну железной дороги, продвигается вперед тоже перебежками. Ее узнаем по красным штанам командира сотни, войск старшины Крижановского. Вот уже близко хуторок. Неожиданно обрывается работа пулемета, обстреливавшего нас. Опытное ухо пластуна, лежащего рядом со мной, улавливает это и он говорит: «заказныся» (перекос). Пользуясь этим, бежим вперед, бежим больше, чем надо. Весь взвод устремился к хуторку. До него еще шагов двести, но он уже нас закрывает. Думается, конечно, что закрывает... Новая очередь пулемета поливает нас. Над головами рвутся два-три снаряда. Падает в трех шагах впереди меня юнкер Е.

— Дай бинт, — обращается ко мне, — а то своим я перевязал Куприя.

Бросаю ему бинт и иду со всеми вперед, вперед. Сотня как то разорвалась, так что два правофланговых взвода оказались несколько впереди. Хуторок заманил. Между двумя правофланговыми и двумя левофланговыми взводами получилась прогалина, впрочем, не представлявшая никакой опасности. Все на виду и все движемся вперед.

Вот добрались и до хуторка. Заняли соответствующие, удобные места. Открываем огонь. Молодой казак выпалил из дробовика... Взрыв хохота, т. к. дистанция большая и «санцихристів» все равно не достать.

— Нащо стріляєш? — смеясь, спрашивает юнкер Козаченко.

— Як, нащо? — несколько удивленно, вопросом на вопрос отвечает казак. — Цеж вона, чи играшки? Треба ж їх бить, анцихристів!

Левый фланг продвигается по-прежнему. Двигаться нужно и нам. «Максимки» захлебываются, точно сердятся, что их югоно не сламливает нашего движения вперед. «Дед» (так называли пулемет системы «Кольт») солидно, по-стариковски, таракает.

Усиленный огонь открыли и наши пулеметы. Наступает горячая и решительная минута боя. Но что же молчит наша артиллірія? Ведь теперь она может подъехать близко, бить без промаха, а ее действия в такие минуты весьма ободряюще действуют на наступающих.

С левого фланга идет к нам бесстрашный командир сотни подъесаул Трипольский. Загремела и наша артиллірія. Видно на станции граната попала в паровоз. Со свистом выходит пар. Восторженный галдеж пронесся по цели. Застреляли кругом энергичнее. Решительная минута настала. Хорошо, что ее не оттянули дальше, а то психология имеет свои законы, которые не всегда подчиняются человеческой воле, человеческому разуму. Теперь уже при продвижении вперед, как то не замечаешь, кто упал, кто присел, раненный.

Все дистанции, на которые нас большевики раньше не допускали, а давали деру, пройдены. Они все держатся. Значит, дело кончится штыковым боем. Давно этого не было. Рука инстинктивно ощущивает хомутик. Приготовились.

Юнкера Манжула и Козаченко и тут не уничаются.

— Гляди, дивись, щоб никто ни загубив мулек...

На картечь начинает бить батарея противника, когда мы поднялись для атаки. Как то по движению цепей выходило, что если продвинемся еще, не принимая вправо, то подставим свой фланг батарее. Но... все предусмотрено и правее уже виден Марковский полк (тогда офицерский).

Ворьба народов за свое освобождение и государственную самостоятельность кончается всегда успехом. Не было еще в истории случая, чтобы народ, национально себя осознавший; решивший, что он национально не умрет; не пожелавший сходить с исторической сцены и начавший активную — духовную и физическую борьбу за свое национальное освобождение и государственную самостоятельность, — чтобы такой народ борьбы не выиграл и цели своей не достиг. Вопрос сводился всегда ко времени, степени подготовленности к осуществлению своих политических и государственных идеалов народа борющегося и к использованию им надлежащего момента в истории своего поработителя — использованию ситуации, когда и для народа-господина приходят тяжелые времена и трудные испытания.

Вперед, вперед! Крики ура! оглашают поле боя, а огонь противника все еще не ослабевает. Батарея попрежнему бьет на картечь и так близко, что огонь разрывов даже слепит глаза. Падают раненые и убитые. Ранен и командир сотни. Вот уже и станционные склады. В прогалину, между двумя анкарами, направляется наша сотня. Большевики еще стреляют, но огонь их уже беспорядочный. Они уже показали пятки,

Мы уже на перроне. В каком то исступлении один взвод, первым выбежавший на перрон, бьет залпами по вокзалу, по окнам, главным образом, хотя там ни одного стекла и не уцелело.

Между составами происходит облава, дающая результаты...

Собрались за станцией около домика. Тут же и ген. Марков. Присели, прилегли. Отдыхаем. Уже раздобили цыпки и делим патроны. Запас пополнен.

— Получили патроны, а на твое ружко й нема, — говорит юнкер Манжула молодому казаку, вступившему в бой с дробовиком. Но у этого казака уже была винтовка, были патронташи, подсумки. Все было, что нужно воину,

Вдруг тревога:

— Приготовься! Юнкера за мной! В цепь! — кричит новый командир сотни кап. Делов.

Рассыпалась. Какое то странное движение заметно перед нами. И конные, и пешие и подводы. Быстро из конвой ген. Маркова отделяются несколько человек и скачут вперед. Оказались нации. Конные черкесы и подводы с ранеными. Вероятно, это были те раненые, которые пострадали в ночном бою.

Приказано приготовиться для входа в станцию Павловскую. Очистили пыль, кое кто умылся. Оправили одежду, скатки, патронташи, полные патронов. Давно они не были такими полными и такими тяжелыми.

Потери были большие, но на душе было легко. Сознание победы, сознание своего превосходства в такие минуты чувствует каждый.

Двинулись в станицу. По дороге валяются сапоги, куртки, патроны и... трупы убитых большевиков. Много изрубленных саблями. Это работа нашей кавалерии.

В станицу вошли с песней. С казачьей пластунской, головой и бодрящей:

«Хотя не мало пострадали от перекрестного огня,

За то разбили, в плен забрали...»

А тели как! Как себя чувствовали! Казаками, а не кадетами входили мы в станицу Павловскую. Так смотрели на нас и местные казаки, ибо в наших рядах они видели своих сослуживцев по баталионам и полкам. Некоторые местные казаки шли рядом с нами и подпевали. От этого песня была еще более мощная, еще более широкая, казачья песня...

(Из станицы Павловской удалось передать весточку в свою станицу родителям. На третий-четвертый день после боя они уже имели обо мне сведения, что я жив).

Остановились на площади. Составили винтовки. В ближайших дворах умылись. Тут же, кто во дворах, кто прямо на площади завтракали. Местные казаки не скупились на курятинку и на сметанку...

После обеда выступили на станицу Новомихайловскую, а потом через Екатериновскую, Кугоейскую (кажется) и дальше — на Дон, в станицу Егорлыкскую.

Патроны мы действительно «получили». Много, но потери сотни: 33 человека раненных и 6 убитых!

Есть какие то необъяснимые законы. Больший процент раненных и убитых пришелся на долю тех казаков, которые только несколько дней тому назад пополнили нашу сотню...

ТО ЖЕ ПИСЬМЕЦО, НО НЕ „СЕКРЕТНОЕ“

Дорогой сынок Шамба!

Ты уж извини меня, старика, что я тебя не по чину, а сыном называю. Кто вас там разберет, а я — старик немощный, да у нас на Дону так уж и принято: чуть помоложе, значит — сынок.

Прошу прощения за это письмоцо. Не стерпел я, сынок, да и моя старуха весьма разобижена: — «Напиши», да «Напиши!» — пристает, — и ты ей хоть что. А я лисака-то какой? Руки трясутся, глаза плохо и в окулярах смотрят. Каракули такие вывозят, что и не знаю, разберешь ли ты мое послание, али нет. Ну, да там как знаешь, а мне самое главное — самого себя облегчить — совет тебе дать, да старуху свою успокоить. Ужастъ, как волнуется старая. И за что ты ее, сынок, так изобидил? Старость, все-таки, надо уважать!

А началось вот с чего. Анадысь прочитал в твоем журнальчике «Казачий Голос» (не то «вой»?) твою весьма любопытную статеечку «Иуды», а старуха около сидела и унукам чулочки вязала. Вот я, значит, прочитал и говорю ей:

— Ну, старая доэмигрантились мы с тобой! Выходит, что мы и не казаки!

А она, старуха то моя, и спрашивает: — В каких это смыслах, Семеныч?

— Да так, — говорю, — я и ты, мы теперь в других рангах пребываем. Я, значит, подлипала, а ты, выходит, подлипала.

— Да ты что, Семеныч, на старости лет с глузду с'ехал? Ты что же, взаправду это или только голову морочишь?

А я ей: — Какое там, голову морочишь, не морочу. Ты вот слушай, что наш станичник Шамба пишет!...

Возьми, да и прочти ей твою любопытную статеечку об иудах. В этой статеечке ты некоего штукаря, что твое «секретное» письмоцо в «ЦП» насчет загонки Терека другим выдал, здорово таки «расчистил» и назвал иудой.

Видать, сынок, у тебя друзей то верных нет. Видно с бора да с соседки ты их понабрал. Так нельзя, друзей надо с разбором выбирать. Ну, это про между прочим.

Дальше, после этого предателя-штукаря, ты, сынок, сразу замолол, замолол... Поехал на санях, а приехал в арбе. И до того домолился, что всех казаков самостийников в подлипала И. А. Билого произвел. А эти казаки, что около тебя по глупости болтаются, значит — Балиновские подлипала? А може ты им другой чин в запасе держишь? Один уж получил не малый чин — иуда. Видать, плохие у тебя то подлипала. Ну, да «по Сеньке и шапка»... «Каков поп, та-ков и приход»... Что и говорить!

Жаль все же, что старуху мою ты изобидил зря. Вся ее вина, выходит, в том, что она о своем казачьем уголке и денно и нощно думает и всю душу вложила в самостийное казачье дело. Индо расплакалась:

— Шестьдесят три года была казачкой, а теперь, выходит, на старости лет подлипалихой стала! И за что такое наказание и Божье попущение? Чтож я, — говорит, — сама собой не могу быть и сама о себе думать? Какой же, этот самый Шамба — самостийник? Так, просто — тфу! да и только!

И старуха моя, чистунья, никогда в комнате не плевалась, а на этот раз фырчано сплюнула и чирком с азартом плевок растерла, словно уничтожая какую-то гадину.

Признаться, сынок, я тебя тоже уразуметь не могу. Раз'ясни ты мне, пожалуйста. Ты вот в этой самой «композиции» обретаешься, а к чему это? Я на старости лет так понимаю, что оппозиция — это, значит, когда одни люди не согласны с другими в чем-либо, чу и доказывают друг другу свою правоту до тех пор, пока не придут к одному соглашению, пока одни не докажут другим своей правды и не возьмут верх, а инноватчики им подчиняются для пользы общему делу. И в согласии сообща делают потом свое дело дальше.

Я вот давно уж присматриваюсь к тебе, сынок, и никак не могу понять: какая твоя правда? С чем ты не согласен? Чего ты хочешь и из-за чего на рожон лезешь? В твоих статееках ты кубыть самостийник, как и мы, и пишешь ты хлестко иногда о Воле и Доле казачьей, а вот как только кто-либо слово скажет о И. А. Билом, ты, словно бешенная собака, начинаешь брызгать слюной. Сущности своей «оппозиции» не высказываешь, а только льешь помои и налево, и направо. И никак не поймешь, чего ты, сынок, хочешь? Может ты не хочешь быть рядовым казачим политиком, а хочешь торчать шилом из мешка? Хочешь, чтобы все обращали на тебя свои взоры? Так это, сынок, надо заслужить; надо быть видным по своим делам, а не по сопле под носом и не по слюне-тянуучке с губы нижней и до земли сырой...

Вот, к примеру сказать, другая твоя, сынок, статеека в том же номере журнальчика: «Когда, как это было и почему». Напрасно в ковычки берешь слова «Походный Атаман». Все же, как ты, сынок, не крути, а пока он честно ведет нас к намеченной меже, он — наш Походный Атаман. Беды еще никакой не видали, кроме пользы, которую он нам приносит, собирая нас, разбредшихся овец, в одну дружную отару. По старому дедовскому обычаю выбрали мы его и добровольно подчиняемся. Значит, есть еще в нас казачья дисциплина. Это не то, что ты, сынок. Старинное, дедовское не живет в твоей душе. Ты — будто чужой нам по духу. Я не хочу сказать, что ты не наш брат-казак; нет, не то, а лишь то, что душа твоя не в созвучии с нашей душой пребывает. Ну, это уж не твоя вина. Вся вина в нашем с тобой разнородстве. Разных мы родов с тобой, сынок. Потому-то ты и Терек хотел загнать, что терцы тебе не родня... Ты — в большой общеказачьей семье — урод. Пойми и уймись.

Это относится к заголовку твоей статечки. Теперь о ней самой. Не буду ее всю разбирать по косточкам, потому что в ней много грязи и на нашего Атамана, и на нас, самостийников, к которым ты, сынок, и себя будто причисляешь, но не приемлем только самого Атамана. Это, конечно, дело вкуса, а о вкусах не спорят. Ты вот тоже не совсем вкусная ягодка, но мы же не заримся на тебя. Недаром и ча-стушку казаки тут про тебя сложили:

...В Атаманы Шамба мчится,
Билый ходу не дает,
«И утопленник стучится
Под окном и у ворот»...

Во первых строках своего «ответа» ты, сынок, разъясняешь, когда ты писал свое «секретное» письмо. К ответу тебя никто не тянул, потому что ты на самом деле безответственный. Думал сделать гадость терцам, — не удалось — и молчал бы, а то еще оправдываться стал. И оправдывавшаяся по-детски. Письмо, де, было написано давно и «ЦП» правление с ним не согласилось, значит — и предательства не было. Ну, а если бы твое «ЦП» оказалось таким же, как и ты, — предательство было бы налицо. Нетправда ли, сынок?

И как ты не поймешь, сынок, что вся соль в том, что ты это письмо писал. Значит, всерьез думал. А что всерьез думал, так это видно из того, что ты это письмо своим молодцам послал, но все «спасенье» твое в том, что они не согласились. А почему? Потому что они поняли, что предлагаемое тобой «дельцо» будет предательством общеказачьего дела.

Ты пишешь, что в свое время эту «комбинацию» предлагал и И. А. Билому и что он с этим не согласился. Видишь, сынок, тебя еще раньше И. А. Билый спас, а ты оять в петлю полез, да еще намылил ее самолично. Ну, и еловая же твоя голова, сынок! Брось, баловаться, сынок! Займись делом.

Теперь я хочу сказать о твоих четырех пунктиках питания надежды на освобождение Казачества. Ты пишешь: 1). «Необходим солидный кадр сознательных, идеальных и подготовленных политических работников, обединенных в единый организованный политический кулак и чтобы идея этих людей была созвучна настроению «тамошних казаков»... Ниже ты пишешь, что такое созвучие с «тамошними» есть.

Мы это знаем и это нас окрыляет и дает нам мужество продолжать свое дело. Вот только относительно «политического кулака» — ты-ж, сынок, сам первый никаких кулаков не признаешь. Может, ты думаешь и втайне лелешь мысль стать самому этим кулаком? И не думай об этом, сынок! Ты — что молодой бугаек в момент своей первой любви: и коровку поранишь и свое копытце сломаешь. Удивительно ты, сынок, и горячий, и не выдержаный, и не дисциплинированный!

2). «Нужно внутренне разложение советской власти, чтобы можно было легче от нее избавиться». И добавляешь, что такое разложение есть и происходит без нашего участия. Ну, и слава Богу. Мы радуемся этому. Это облегчает нашу работу и приближает к намеченной цели.

3). «Надо иметь тесный контакт с представителями всех угнетенных народов СССР, стремиться к единому фронту всех против общего северного противника. Без такого единого фронта мало шансов на освобождение». Верно, сынок, пишешь. Только нельзя устанавливать «тесный деловой контакт» так, как ты его начал устанавливать. По моему, надо начинать не с Терека, а с Калмыкии. Это я тебе пишу, сынок, о Калмыкии не серьезно, а так для примера, чтобы ты почувствовал такую же боль, какую испытывают и терцы после твоего «секретного письмца».

Ты пишешь, что никакие демагогические вопли не заставят тебя «отказаться от первоначальной идеино-организационной установки ВК: оно организуется по войсковому принципу; для вхождения в него необходимо наличие достаточного количества казаков данного Войска, обединенных в свою Войковую центральную организацию и проявляющих активную работу по защите идеи ВК. Судьбу своего Войска решают сами казаки этого Войска».

Вот видишь, сынок, как у тебя все непоследовательно. Говоришь: «судьбу своего Войска решают сами казаки этого Войска»... а ты, не спросив терцев, хотел загнать их горцам.

Ты пишешь: «нужно наличие достаточного количества казаков данного Войска». Что же, около тебя, сынок, все терские казаки обединились, что-ль, что ты хотел пойти на такое «дело»? Этого нет, а раз нет, то ты не имел права и заняться об этом.

В начале своей статечки ты пишешь: «Я стоял и стою за первоначальный организационный принцип ВК — Войсковой, при каковом построении трудно было бы к сегодняшней Казакии причислять Урал, Оренбург, Астрахань и Терек, за отсутствием среди казаков этих Войск достаточного количества сторонников ВК движения».

Уральцы, оренбуржцы, астраханцы и терцы в эмиграции есть. Следовательно, главные шаги и всю деятельность национального движения надо направить в сторону привлечения казаков этих Войск к ВК, а не продавать их в розницу и оптом, распивочно и на вынос, пользуясь тем, что возражать некому. Нужно обединить всех казаков около ВК идеи и начинать делать первые политические шаги. К этому ведет наш Походный Атаман, об этом только и твердит, а посему и не делает ложных шагов. Не делает потому, что не чувствует себя безответственным, как считаешь ты себя, сынок. Нужно выиграть дело без всяких потерь.

Четко и ясно поставили мы вопрос о том, что пришла пора прямо и открыто говорить казакам с казаками, что наступило время, когда Казачеству самому нужно брать свою историческую судьбу в свои руки.

Долго опекали нас одни. Кроваво «экспериментируют» нами другие. И те, и другие — чужие. Пора казакам думать самим о себе. Будущее Казачества должно принадлежать самому Казачеству и никому больше.

Сейчас наши Земли, наши братья — в рабстве. Мы — в изгнании. Знаем: от рабства к свободе, от изгнания к Отчизне — нет пути без боя и борьбы..

Если будет необходимость в этом, то на это Походному Атаману будет дано право всем об'единенным Казачеством — пребывающим в эмиграции созвучием «тамошних».

Ты пишешь: «Я хочу, чтобы была великая Казакия, но я еще больше хочу, чтобы меньше было войск, чтобы освобождение досталось с наименьшей затратой казачьей крови»... На это я тебе скажу, сынок, что если бы твоё «дело» удалось с «секретным» твоим письмом, то Казачество по своему освобождению немедленно пролило бы кровь. Терцы, видя, что их братья казаки освободились, немедленно подняли бы восстание против своих новых хозяев-гориц. Другие бы казачьи Войска поддержали и началась бы горско-казачья война. Это было бы результатом твоего «договора».

4). Во вне необходимо найти солидных союзников, понимающих смысл и значение нашего движения, готовых в нужный момент оказать соответствующую помощь государственного масштаба»...

Этот пункт надо бы тебе обозначить первым и самым главным. Союзники во вне — самое главное;

перед ними союзники внутренние — только, как моральное наше удовлетворение, что мы не одни в борьбе за свободу. Если мы в них нуждаемся, то они в нас нуждаются не меньше.

Что же касается нас, казаков, то я скажу словами нашего Походного Атамана: «Внешний мир с Казачеством раз'единенным говорить не будет, только об'единенное Казачество может расчитывать на помочь внешнего мира в борьбе со своими поработителями»... и — «Каждый казак должен любить все Казачество больше, чем себя самого — одного казака».

Последнее относится к тебе. Ты, сынок, любишь только себя самого, но не любишь Казачество, а с такими нам не по пути.

Всевеликого Войска Донского,
«Подлипала» и «молодец» И. А. Билого,
Избранного Походным Атаманом казаками националистами,

Казак Иван, сын Семена,
свет Настоящев.

Праздник 10-го декабря в Праге

5 декабря в Праге состоялся сбор казаков националистов, посвященный 10-ти летию ВК национального движения заграницей и журнала «ВК». Достойно и торжественно отметили станичники Турчаниновцы это большое событие. По мнению не состоявших в ВК движении казаков, в Праге еще не было так хорошо организованных и таких дисциплинированных выступлений.

Надо сказать, что этому сбору предшествовало возвращение 28-го ноября в наши ряды большинства тех станичников, которые в 1934 году вышли из состава ВК движения. Этот свой патриотический шаг возвращения в ряды казачьего национально-освободительного движения они сделали под руководством ст. ст. Н. К. Пархомова, С. Школья и Д. Зимина. Таким образом, в Праге осталось буквально несколько человек, которые еще не разрешили вопрос о необходимости раз и навсегда покончить со всячими оппозициями.

Переполненный зал сбора декорирован национальными флагами. Впереди на высоком постаменте, покрытом национальным флагом, портрет ген. И. В. Турчанинова. За столом — президиум: ст. ст. К. К. Поляков, д-р С. У. Степанов и Н. К. Пархомов.

В 3 часа ст. К. Поляков открывает 17-й сбор казаков националистов в Праге. Станичники исполняют гимны, а затем ст. Поляков предлагает почтить вставанием память ушедших казаков националистов: Ю. Ф. Гончарова, Б. А. Кундрюцкова, полк. М. Фролова, Ф. К. Воропинова, полк. Балабана, ген. Т. М. Старикова, войск. стар. Томаревского и войск. стар. И. М. Назарова. (Сбор встает).

Ст. К. К. Поляков начинает свое слово приветствием присутствующих на сборе представителей украинских организаций: председателя центрального союза украинских организаций в ЧСР инж. А. Галька и секретаря союза украинских военных инвалидов д-ра К. Григоровича.

Потом ст. Поляков продолжает:

17 лет тому назад окрестности Цареграда и о. Лемноса заполнились побежденными казачьими армиями. Но эти армии не были поражены противником. Они потерпели поражение в результате юшибок, допущенных теми, кому казачий народ в тяжелое и ответственное время своей жизни вверил свою судьбу. Большинство людей, получивших высокое звание избранныков народа, не оправдали его доверия. Получив ответственные посты в суверенных казачьих государствах, они продолжали состоять в русских политических партиях, в которых состояли раньше, и продолжали подчиняться их партийной дисциплине. Интересы чужих партий они поставили выше интересов казачьего народа. В результате раздоенности и неискренности, вызванных таким их поведением, казачья армия оказалась в сырых и темных землянках Кабаджи, Чилингира и в палатах о. Лемноса.

Кончался первый период жизни казачьей эмигра-

ции. Постепенно угасали костры лагерей под Константинополем и на о. Лемносе, на которых казаки готовили свою убогую пищу из французских пайков. Ветер давно уже разнес пепел этих костров по турецким полям, а в чаталджинских кустарниках, на верное, до сих пор находят турки дедовские палаши, свидетели казачьей славы, которыми казаки, в конце концов, рубили... дерево.

Угасли костры... Угасла надежда казаков на лучшее будущее. Перестала существовать доблестная казачья армия. Ичез казак боец, гордо с оружием в руках защищавший свое право, а появился на улицах европейских городов казак-эмигрант...

Так начался второй период казачьей эмиграции, период полный страдания в погоне за куском хлеба. И здесь совершился второй великий обман казаков теми же, кто там привел казачий народ к катастрофе.

Пользуясь своими титулами Атаманов, бывших министров и членов казачьих парламентов, эти люди начали свою вредную деятельность в эмиграции. Казаки поверили им еще раз и пошли искать казачью правду в созданный ими Союз Возрождения Казачества. Но за этим союзом начали расти, как грибы, всевозможные другие союзы.

Руководители новых организаций наперебой заявляли к себе казаков. Крикливой и шумливой рекламой старались скрыть они плохое качество своего товара.

Нет ничего тайного, что бы не стало явным. И явным стало то, что эти организации, казачьи по называнию, фактически были филиалами русских политических партий. За деятельностью всяких союзов вырисовывались контуры политических фигур Милюкова, Керенского и др., в зависимости от того, к какой русской партии принадлежали руководители так называемых казачьих организаций. В результате этого получилось, что казачий путь оказался не один, а несколько, казачьих правд было тоже не мало...

Эти люди разрывали казаков на части, вызывая у них смущение, смятение, и, наконец, упадок духа. Вот к чему привела работа «политических деятелей». Их поступки ждут казачьего историка, перо которого будет для них мало утешительным.

Те, кто должен был дать казачьему народу волю и лучшую жизнь, привели его к разочарованию и упадку духа. Это последнее настроение является всегда предвестником не добрым... Кто потерял дух, тот погиб. И, казалось, что в эти сумрачные дни изгнания погибает казачья эмиграция. Но, к счастью нашему, казачий путь только один и казачья правда тоже одна. Эта казачья правда — в неумирающей национальной казачьей идеи; эта казачья правда — в историческом праве казачьего народа на свободу.

Казачья национальная идея не умерла. Не умерла она в страшном булавинском бою за свободу. Это она говорила безумцу царю Павлу устами гордого и

смелого казака, полковника гвардии Евграфа Грузинова: «я не Ваш подданный, я казак». Это она жила под серой солдатской щичелью войск, старшины Сухорукова, сосланного за казачью правду рядовым в Туркестанский пехотный полк. И она же жила в сердце нашего славного шефа ген. И. В. Турчанинова, который, выступив в защиту прав своего народа, принужден был эмигрировать в далекую Америку, где достойно представлял наш народ, прославляя его имя.

Нет, не умирала казачья национальная идея. Она жила и позднее в сердце казачьего писателя, яицкого казака, войск, старшины Железнова, который был приговорен к ссылке в Сибирь и, не желая растаться с родным Яиком, в ночь перед ссылкой застрелился в родном курене. А разве не она много позже, в 1918 году, сказала свое слово с трибуны Донского Круга устами старого казака делегата: «Пригребай, братцы, к своему берегу!».

Говорят, что только тот народ имеет право на независимость, который доказал свое право абсолютной жертвенностью. Как вышеупомянутые факты, так и вся наша история, являются доказательством права казачьего народа на свободу.

Непрерывность борьбы за казачью национальную идею несомненна, поэтому **10-е декабря 1927 года является продолжением борьбы за эту идею.**

В этот день вышел в Праге журнал «ВК», с этого дня следует считать начало казачьего национального движения заграницей.

Надо ли говорить о том, как был встречен его выход, и о том, какие были сделаны по адресу его сотрудников «выпады», очень часто противоречившие элементарной человеческой морали. Те, кто понял, что в лице журнала «ВК» приходит строгий судья и обличитель их вредной для Казачества деятельности, встретили его страшным криком: и неуважованием тоном полемики, переходившей от насмешек к злобе.

Я помню, как вначале нашего движения один из этих прислужников Милюкова назвал в «Казачьем Путь» молодых казаков националистов, сотрудников журнала «ВК», «перепелами».

Прошло десять лет... И теперь я спрашиваю их, милюковских попугаев, слышите ли вы орлиный клекот? Слышите ли вы шум крыльев степных орлов, поднявшихся на защиту Родного Края? Скажу за вас: да, слышите, потому что ваш «Казачий Путь» оборвался на Краковской улице в Праге, а «Путь Казачества» пресекся там же.

10-го декабря 1927 года начался третий период жизни казачьей эмиграции. Она вышла на свой казачий путь, на путь национального возрождения.

Со страниц первого печатного органа казачьего национального движения заговорила казачья правда. Заговорила она об историческом праве казаков на свободу и о том, что только сами казаки вправе решать свою судьбу. Казачья пропаганда вдохнула угасшую, было, веру в души казаков. И на наших глазах стала происходить чудесная метаморфоза. Серая беженская масса стала превращаться в стройные ряды казачьей политической эмиграции, руководящейся определенными целями и имеющей ясную цель.

И кто может теперь сказать, видя могучую цепь казачьих национальных организаций, что казачья национальная идея умерла? Казаки националисты, руководимые ею, сознательной дисциплиной и железной волей, твердыми шагами идут к своей конечной цели. — к созданию казачьего государства.

Сомневающиеся и колеблющиеся не решают судьбы своего народа, ее решают не сомневающиеся и не колеблющиеся. Не люди с жаждкой психологией и не те, которые хотят делать казачье дело «между прочим», а казаки националисты куют казачье счастье.

Я думаю, что, как наши друзья, так и наши врачи убедились уже в силе казачьего национального

движения. Отношение друзей мы чувствуем, но мы видим и поведение наших врагов, ведущих на нас временами скрытые атаки. Мы хотим сказать этим политическим шакалам, которые, как неприкаянные, слоняются среди нас и около нас: оставьте ваши напрасные старания! Там, где есть сознательная дисциплина, провокаторам делать нечего.

Мы несем казачье национальное знамя. Нет никакого сомнения в том, что мы являемся защитниками подлинных казачьих интересов, поэтому понятно и то, что торговаться мы ни с кем не будем. Мы не имеем права выносить на базар святую для нас казачью идею.

Тот казак, который считает себя националистом, должен понять, что там, где нет идеологических расхождений, не может быть никаких разговоров о какой бы то ни было оппозиции.

Последние события в рядах казаков, ушедших в 1934 году из казачьего национального движения, показали, как глубоко правильна была линия вашего поведения, станичники турчаниновцы, и как прав был Походный Атаман ВК.

Сегодня я должен отметить то обстоятельство, которое позволяет мне сказать, что большинство станичников, вышедших в 1934 году в Праге из наших рядов, сейчас уже работают с нами. Приветствуя вас, станичники, на нашем первом общем собрании. Те события, о которых я говорил выше, доказывают правильность вашего шага. Могу вам сказать с уверенностью, что последствия докажут то же самое. Вы сделали правильный шаг. Идея — выше всего.

Сейчас я обращаюсь ко всем казакам националистам: станичники, мы перерубили все канаты, соединявшие нас с русским прошлым, но нити, тонкие нити еще остались не перерванными: не господин и не милостивый государь, а станичник; не господин генерал, не ваше превосходительство, а станичник генерал; не господин атаман, а станичник атаман. Это как будто и мелочи, но мелочи характерные. Станичники, со свойственной нам, казакам националистам, категоричностью давайте перервем эти последние ветхие нити.

Передо мной журнал «Донская Волна» — литературный печатный орган Всевеликого Войска Донского. В передовице первого номера, выпущенного 10-го июня 1918 года, читаем следующие слова: «когда нибудь придет Гомер Казачества и напишет казачью Илиаду, воспостит Каледина, Богаевского и прочих славных. Но, Гомер впереди!»...

Прошло 19 лет и пришло это «впереди», о котором говорила «Донская Волна». На страницах нашего славного юбиляра, журнала «ВК», вырастает и крепнут казачьи Гомеры, воспели они Каледина, Богаевского и иных славных, и проникли в поисках казачьей правды далеко в глубину веков. Они смыли с великанов казачьего духа ту грязь неправды, которой заплыли их русская история. И оказались они не «бунтарями», а «борцами за казачье право, не «разбойниками», а «подвижниками», не «ворами», а «мучениками за казачью волю».

А что же будет дальше, говорит редакция «Донской Волны», кого мы воспомним после Каледина, Богаевского и др.? — И говорит: «Ответим: Дон не пересох. Донская волна еще плещет».

Да, не пересох Дон, плещет еще его волна, а с ним вместе плещут в наше время волны Кубани, Яика и бурного Терека. Казаки всех рек сливаются в одну великую реку для того, чтобы одним могучим потоком смести со своего пути все препятствия к лучшей жизни.

Мы сегодня отмечаем юбилей не только для того, чтобы торжествовать, а для того, чтобы «думу думать». И вот сейчас я обращаюсь к вам, станичники турчаниновцы, наше дело требует от нас напряжения всех наших духовных и физических сил, а весьма

Что должны делать братья-казаки там, дома?

Прежде всего: ОСОЗНАТЬ СЕБЯ НАЦИОНАЛЬНО, ПЕРЕСТАТЬ СЧИТАТЬ СЕБЯ «РУССКИМИ» И ГОТОВИТЬСЯ НЕ К ПЕРЕМЕНЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ, А К ПОЛНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ КАЗАЧЬИХ ЗЕМЕЛЬ ИЗ-ПОД ВЛАСТИ ВСЯКОЙ РОССИИ И СТРОИТЕЛЬСТВУ СОБСТВЕННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ КАЗАЧЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ...

вероятно, что ближайшее будущее потребует от нас и абсолютной жертвенности. Я знаю вас, знаю и то, что каждый из вас отдавал себе отчет в том, на что он идет, но я хочу, чтобы вы свыклись с этой мыслью, тогда для вас не будет никаких неожиданностей. Вы всегда должны быть готовы к активному проявлению вашей идейности.

Должен вам сказать в этот большой для нас день, что в ваших руках находится самое сильное оружие, которое существует в мире. Это оружие — идея.

«На свете знаю только две силы: штык и идея, и, в конце концов, идея всегда сильнее, чем штык». Это, станичники, сказал Наполеон, который в своей жизни очень часто пользовался штыком, как главным аргументом, но который пришел к тому, что все же «идея сильнее, чем штык».

От вашего имени, станичники, говорю в этот день всему Казачьему национальному движению о том, что мы, казаки националисты в Чехословакии, в новое десятилетие вступаем твердым и решительным шагом, сознанием ответственности взятой на себя задачи и с непоколебимой волей победить.

Приветствуем нашего Походного Атамана и редактора сегодняшнего славного юбиляра — журнала «ВК», его сотрудников и всех окружных, станичных и хуторских атаманов. Вас, турчаниновцы, благодаря за вашу дисциплинированность и иллейную стойкость, которые нам помогают вести нашу ответственную работу в солидных, серьезных тонах.

Мы не хотим знать пути назад. Наш путь лежит только вперед, туда, где наши родные курени. Там, где жили наши предки, имеем право и хотим жить мы.

Нашему страдающему и истекающему кровью народу, который принимает на себя все удары чужой оккупационной власти, пусть даст Провидение силы в его сверхчеловеческой борьбе за свободу.

«На свете... две силы: штык и идея, и... идея... всегда сильнее, чем штык».

Слава казачьей национальной идеи! Верим, что сломит она штыки оккупантов. Слава Казачеству!

Следующим говорит ст. д-р С. У. Степанов:

Многоуважаемые гости и дорогие станичники!

Знаю, что несколько необычно будет звучать начало моего сегодняшнего слова к вам, дорогие станичники. Начну со сказки... Сказка эта говорит о том, как некие рыбаки забросили свои сети в бушующее море вытащили маленький медный ларчик. Открыли его своими ножами... Из ларчика вышел дым, который поднялся до облаков; дым этот, сконцентрировавшись, превратился в великан, который потом так громко крикнул, что весь мир услышал и увидел его...

Десять лет тому назад, когда многоотраслевое зарубежное Казачество, без жизненной цели, веры и идеала, с опустошенной душой упало в бушующее житейское море, горсточка казачьих патриотов, во главе с нынешним Походным Атаманом национального Казачества, проявила величественную вдохновенно-творческую инициативу в деле спасения несчастного Казачества.

Эта славная, воистину бессмертная инициатива, которая уже вошла, как бесспорный великий духовный вклад в исторический актив Казачества, десять лет тому назад сумела из бездны жизненного моря выловить волшебный казачий «ларчик», который был открыт казачьими руками и... дым, вышедший из него, дал нам **казачьего великана**, который сейчас виден всем и каждому и рождение коего сегодня вспоминаем.

Спрашивается: в чем же тайна такого необычайного успеха почины людей, основавших ВК освободительное движение?

СОЗДАЛАСЬ УЖЕ ТРАДИЦИЯ:

КАЗАЧЬИ ПАТРИОТЫ НАЧИНАЮТ КАЗАЧЬЕ ДЕЛО, НО НЕ КОНЧАЮТ ЕГО. ВРАГИ КАЗАЧЕСТВА ВСЕГДА НАХОДЯТ СЕБЕ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ И ПОМОЩНИКОВ СРЕДИ КАЗАКОВ ЖЕ И — УБИРАЮТ СО СВОЕГО ПУТИ КАЗАЧЬИХ ВОЖАКОВ, ЗА СИМ СЛЕДУЕТ ПРОИГРЫШ КАЗАЧЬЕГО ДЕЛА, А ВЫИГРЫВАЮТ ВСЕГДА НЕДРУГИ КАЗАЧЕСТВА.

Эту традицию надо нарушить раз навсегда. Надо совершил перелом. Надо уметь не только начинать, надо уметь и кончать начатое.

(«ВК» 25 ноября 1936, № 187).

Могу ответить, что десять лет тому назад неподдельно-искренно, ясно и решительно было отвечено на зов существа духа истории казачьей, на зов отчаявшейся души народной, на зов духа нашей эры, и, наконец, на зов приязни рока.

Бесцельно прозявавшим было указана и четко сформулирована ясная и возвышенная цель жизни — борьба за бессмертную жизнь народную и ее свободу.

Десять лет тому назад, из уст подлинных сынов Казачества раздался могучий призыв освободиться от оканчивающих уз нашей духовной половинчатости и ложного сознания своей малости, призыв, что **пора бросовать огромную созидающую силу, скрытую в обединенном народе**, проникнутом могучей волей сохранить и защитить историческое наследие своих предков от кровожадных, все предающих уничтожению рук вандалов XX столетия.

Был ли услышан этот горячий призыв казачьих патриотов Казачеством?

Он был не только услышан, но и подхвачен с неким стихийным, безудержным энтузиазмом и романтизмом. Подхвачен потому, что **томившимся духовной жаждой была преподнесена надлежащая пища и помощь**. Видимо, судьбе угодно было сначала силу и мощь Казачества подвергнуть страшным испытаниям, чтобы потом проявило одно величую решимость в святом деле освобождения себя от чужой тирании.

Поистине, только народ, долгое время угнетаемый, делается из барашка — тигром. Только народ, почувствовавший тяжесть цепей, может за свою свободу бороться и умирать.

Если мир до сих пор справедливо восхищался мужеством и решимостью спартанцев, защищавших до последнего мужа со своим вождем Беонидом Фермопильское ущелье, преграждая путь к сердцу благословенной Греции от нашествия персидского деспота Ксеркса, то у Казачества в его истории имеется не менее блестательный по силе жертвенности — древний исполин казачий — Азов.

Азовские герои тоже не страшились ничего, клали свои жизни на отечественный жертвенник во имя независимости и свободы своей земли. Но безусловно, утверждают, что во все периоды истории Казачества они останутся, как древние спартанцы, бессмертным примером мужества, единства и непреклонности воли человеческой.

Я говорю это к тому, что **казачий национализм совсем не десятилетний** и не датируется он с достопамятного 1927 года, а своим корнями уходит в глубь веков.

Доказательством этого служат георгиеские действия наших славных предков и множество буйных голов казачьих, в течение веков скатившихся с плах московских площадей. Нет, не воров и не разбойников казнила Москва, а борцов за казачью правду и свободу.

История Казачества полна фактами, говорящими о том, что попытки организации казачьих освободительных движений были постоянным явлением, неизменно сопровождавшим все периоды исторической жизни казачьего народа.

Постоянные неуспехи всех этих крайне благородных попыток с их неизменным кровавым заключением объясняются теми же пороками, какие и по сей день довлеют над душой известной части Казачества.

И вот, когда зарубежное Казачество в течение семи лет беспомощно топтaloсь на одном месте, близко было к полному растворению в чужой ему стихии, в 1927 году истинные борцы за казачью волю привели его сойти с блудных путей, ведущих к неизбежной гибели, и **ступить твердой ногой на самобыт-**

ный исторический шлях казачий, который и приведет к берегам Родного Края.

В 1927 году были, как нельзя более достойнейшим образом, восстановлены национально-политические традиции Казачьего народа. 1927 год знаменует собой радикальнейший перелом в самосознании Казачества. И вот, уже десять лет Казачество исповедует свою казачью правду и все сильнее и сильнее, вдохновляемое своим бессмертным «Я» — казачьим национализмом, уверенным шагом идет навстречу грядущим событиям, несомненно, несущим с собой осуществление намеченной нами цели — **свободу и независимость нашего народа**. Казачеству теперь уже не страшны никакие зловещие ветры жизни, ибо оно, как никогда раньше, духовно и морально возросло и окрепло.

Десять лет идем мы своими путями, политыми нашей кровью и потом. Великая и славная цель во многом уже осуществлена. **Народная правда** — эта муза, этот идол, этот неиссякаемый источник нашего вдохновения, и во втором десятилетии нашего жизненного дела будет неизменно руководить нашими действиями и помыслами. Но в этот торжественный день национального Казачества я не могу не сказать вам, дорогие друзья, исповедующие идеологию национализма, еще два слова.

Говорят, что существенным элементом всякой государственно-политической и иной идеологии является всеселое проникновение ее в нравственное сознание народа. Для личного контроля спрашиваю себя: **современный национализм является ли именно такой государственно-политической концепцией?**

Ответ может быть только один: да, является и для вящего уяснения себе его можно сравнять только с одной могущественной религиозной идеологией, которая имела место в жизни западно-европейских народов в ХУ, ХУІ и ХУІІ веках — это идеология католической церкви.

В эпоху религиозных брожений все определялось и жило религиозным идеалом. Жизнь народов и государств, политических партий и отдельных людей в своем течении и развитии определялась требованиями церковного идеала. Великие религиозные войны требовали от своих единоверцев крайних жертв и люди, не колеблясь, приносили на алтарь своего божественного идеала свою жизнь и свою свободу. Религиозная идеология средневековая была идеологией императивно-катеринской, не знающей ни компромиссов, ни милосердия, ни дискуссии. Она требовала верности и послушания — обо всем остальном заботилась она и только она одна, знающая тайны неба и земли.

Духом этой идеологии была проникнута вся общественная мораль тогдашних народов. Но она также знала так наз. санкции, меры наказания для нестойких своих приверженцев. Для религиозных скептиков и отступников разводились костры. Заподозренный в отступничестве мог избежать смерти только публичным покаянием. Но человеческой жизни, принесенной в жертву церковному идеалу, она обеспечивала вечную загробную жизнь — Царство Небесное.

Национализм, как естественное проявление любви человека ко всему цивилизационному делу своих предков, также является идеологией повелительно-катеринской, не знающей ни компромиссов, ни торгащества. **Основой современного национализма является глубокая вера в собственную силу народа** и он зовет жить и руководствоваться только велениями своего Бога и своей Правды.

Национализм также отвергает тех, кто произносит только красивые слова, за которыми следует подлое дело. И всегда там, где народы не утратили чувства самосознания и не забыли великих дней своего прошлого, — там национализм выступает, как могучий защитник народных судеб. Не без основания могу утверждать, что все мы, без исключения, в своей жизни и работе черпаем силу и вдохновение из катехизиса национализма.

А что же обещает национализм в награду тому, кто проявил крайнюю жертвенность в деле служения своему народу?

Непростительно ошибаются те, кто думает, что национальный идеал за служение ему обещает вечную загробную жизнь, Царство Небесное или обилие звонкого металла.

Национализм знает только одну награду для того, кто ему из всех сил верно служит — **это сознание исполненного долга перед Родиной**.

Иной награды здесь нет и не может быть.

Еще об одном. Говорят, что существует какой-то неразрешимый спор между ВК и калмыцким народом.

С полным сознанием ответственности за сказанные слова, утверждаю, что во всей многовековой совместной исторической жизни этих двух народов не было какого либо антагонизма. Да, его никогда не было, нет его и сейчас. Убежден, что его **не будет** и в будущем.

Обвинять Казачество в чем либо, значит, более чем легкомысленно скользить по поверхности Духа казачьей истории. Там, где люди духовно близки и взаимоотношения их более, чем сердечны, там **тщеславные распри человеческие** быстро изживаются, а главное, не находят себе достаточно питательной почвы.

Калмыцкий народ всегда шел с Казачеством и в будущем пойдет с ним.

Слава Казачеству!

Далее говорят ст. инж. А. Г. Кожевников:

Станичники, сегодня, в радостный день, день исторического пробуждения Казачества, когда 10 лет тому назад впервые появился мысли и желания казаков на страницах «ВК», в этот день десятилетнего юбилея разрешите и мне приветствовать вас, дорогие братья казаки, и пожелать вам теснее сплотиться вокруг казачьей идей и **Мощно слиться в один стальной кулак для сокрушительного удара по нашему врагу**.

Еще задолго до этого дня стали появляться в затуманенном мире земного шара маленькие огоньки. Вспыхивали и потухали, и снова разгорались. Огоньки эти — это **мысли казачьи**, которые долго блуждали по свету, не зная, к какому берегу пристать.

И вот, неожиданно, вспыхнули они все сразу и воспламенились ярким пламенем. И на международном горизонте, серди мирового хаоса, загоралась зорька, — казачья зорька. Одинокая, всем чужая, затерянная, она долго и упорно искала себе места и нашла. Нашла и воспламенилась ярким заревом, да так разгорелась к сегодняшнему дню казачьего пробуждения, что вспыхнула ярким солнцем — солнцем казачьего возрождения.

Золотые лучи источника возрождения побежали по всему свету, возвещая миру о **нашей правде — о правде казачьей идеи**. И весело, и радостно неслись эти светлые лучи солнца, неся с собой казачью идею, и, сопровождаемые «Черным Всадником», проникали всюду, во все уголки земного шара, везде отыскивая в дебрях, в горах и на равнине, в джунглях и горо-

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗДЕЛИЛ НИМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕНОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТАВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ, ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕНОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТАВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ.

дах, заспавшихся и заблудившихся казаков. И казак, просыпаясь, приподнимал свою мозолистую руку (а, ведь, и теперь, по-старинному, играет силушка в руке мозолистой и крепко сложенной) и прикладывал ко лбу, устремляя свой удивленный взор на встречу лучам...

Думал и соображал: что бы это значило?

Но, не долго казак думал. Понял и осознал все значение этого явления. Понял казак и сбросил тяжелые оковы долгого сна и радостью залилось его казачье сердце. А мысль его, долго хранившаяся в тайниках казачьей души, забила ключем. Отовсюду стали доноситься звучные голоса: «есть еще порох в пороховницах, — еще не гнутся казаки... — «Не застыла в нас кровь казацкая»... — «Наш девиз — Казачья Воля». — «Слава Казачеству!» перемешивались голоса и постепенно, но верно стекались они на казачий шлях, под казачий стяг, на борьбу за нашу идею, идею освобождения Казачества.

И росла, разрасталась казачья сила. Могучим потоком лилась она по шляху, прибирая затерянные ручейки...

Казаки! Вы видите какую колосальную работу сделало ВК, как глубоко оно запустило в казачьи сердца корни идеи освобождения. Много труда было затрачено на пробуждение казаков, но еще больше энергии придется приложить в предстоящей труднейшей работе.

И в эту работу, работу политическую, должен каждый казак втянуться и работать, а не ждать, сложа руки, пока за него сделают его другие.

Нет! Нам, казакам, нужно самим решать свои судьбы.

Казаки! Время не ждет, а нам нельзя терять его, т. к. мировые события совершаются с чрезвычайной быстротой, а поэтому, казак, будь на чеку!

Организуй крепко ядро Казачества и кадры бойцов, сильных волею, за которыми могла бы двинуться могучая сила казаков на спасение родного Казачества.

Становись, казак, в стальные ряды казачьего фронта под казачий стяг — за идею освобождения Казачества.

Хочется мне обратиться к вам с призывом словами одной нашей песни:

Гей, вы, соколы степные,
Поднимайтесь стар и млад,
Со стены сними винтовку,
Отточи острый булат...

За нашу идею, за освобождение Казачества — в добрый час!

Потом К. К. Поляков предоставил слово ст. П. Д. Храмцову:

Уважаемые гости, дорогие станичники! Сегодня казаки националисты своим сбором отмечают 10-й год оздоровления Казачества.

Десять лет казаки националисты проповедывают и исполняют заветы старины.

Что сделано за эти десять лет казаками националистами?

Отвечаю так: прочтайте казачий национальный журнал «ВК» от № 1-го по № 233 и вы там найдете на этот вопрос исчерпывающий ответ.

Но вот, что надо было бы сделать казакам националистам, находящимся в Чехии, это тоже серьезный вопрос.

Мы, турчаниновцы, поставили себе задачу создать Большо-казачий Округ в Чехии.

Станичники! На исходе 1937 года, посоветуясь с своей совестью, скажите: здорова ли вольноказачья идея? Чувствуете ли в себе казачий дух? А если чувствуете, то становитесь в ряды защитников Казачества!

К глубокому сожалению, день оздоровления Казачества мы отмечаем здесь, в эмиграции, а не празднуем его и не торжествуем у себя дома.

Нам здесь нечему веселиться и нет причины танцевать «казачка»...

Казаки во время освободительной войны потеряли почти все. Ушли на чужбину, эмигрировали. В эмиграции первое время теряли последнее имущество, а потом... и сами стали теряться. И наверно бы потерялись совсем, да некоторые казаки не спали, а делали казачье дело.

В 1927 году издается журнал «ВК». И затрубили в нем истинные сыны Казачества казачью седловку. Стали казаки националисты искать и собирать казаков и влиять в их большое сердце бальзам оздоровления — Казачью Волю.

Слава и Воля — вот два импульса, которые движут зарубежным национальным Казачеством.

Журнал «ВК» — это трибуна Казачества!

Но, не только словом, но и на деле проявляли и проявляют свою казачью волю казаки националисты.

Сегодня мы обращаемся к вам, «русские казаки». Обращаемся к вашему разуму, обращаемся к вашему чувству, к вашей совести.

То горе, те несчастья, какие выпали на долю Казачества; все то, что делается там; весь наш заграничный путь страданий и лишений — все это дело вашей головы и ваших рук. Хотите ли вы продолжать свое дело, пока от Казачества останется одно воспоминание?... — Повторение вашего пути несет только усиление безвыходности казачьего положения...

Неужели у вас ни разу не стал вопрос, не поднялось в душе сомнения в правильности вашего пути?

Поставьте хоть сейчас самим себе эти вопросы и может быть проснется у вас казачье чувство и подскажет вам казачье решение, казачий исход из трагического для Казачества настоящего не в худшее его продолжение, а в лучшее будущее, сулящее Казачеству спасение и свое историческое завтра.

Мы не обращаемся к тем, к кому — мы знаем, — что голос наш не дойдет, но мы обращаемся к тем, в ком не угас еще подлинный дух казачий: идите с чужой дороги,

Станьте на казачий шлях служения Казачеству — и только Казачеству.

Чужая дорога — гибель даже вам самим.

Если вы совершили историческую ошибку, попробуйте исправить ее. Сделайте так, чтобы вашим детям не пришлось бы идти по еще горшему, еще более тяжелому крестному пути, чем это выпало на долю всем нам...

Не тратьте своих сил, не отбирайте и у нас сил своей борьбой с нами. Если не можете идти сегодня с нами одним шляхом, спокойно присмотритесь к этому нашему шляху — это Казачий Шлях. Переоцните свои ценности и не отказывайтесь говорить с казаками о казачьих Делаах.

Не говорите: раз не по нашему, значит — ничего не нужно.

Мы знаем, мы глубоко убеждены, что Казачество свою борьбу выигрывает и свою казачью долю найдет, идя только по своему пути Казачьему...

Трагедия Казачества там, стоны наших братьев, несущиеся с просторов вашей «Единой и Неделимой», — стоят того, чтобы вы задумались над нашим настоящим к вам призывом.

Ваша политика потерпела решительную неудачу. Не тягите же еще дальше Казачества к пропасти. — Собой распорядиться можете. Целым народом рисковать не имеете права.

Ваш прошлый путь слишком обильно полит казачьей кровью. Земля казачья слишком обильно полита слезами казачек... — Не повторяйте гибельного прошлого...

В прошлом растративали вы свои силы на неказачье дело. Потратите их теперь — хоть немного — на дело казачье. Отплатите свой долг народу, вас родившему. Отблагодарите землю, вас вскормившую...

В прошлом на первом месте у вас было не казачье. Пусть в вашем будущем первое место займет все казачье...

Да здравствует Казачье будущее!

Все Казаки — под казачьи знамена ВК!

И одним таким проявителем Казачьей Воли был полк. М. Ф. Фролов. Казак герой, в полном смысле этого слова.

Командуя 42 казачьим полком, он переходит с целим полком на сторону украинской армии и свой казачий палаш поднимает на вековых врагов Казачества.

М. Ф. Фролова — казака богатыря неподкупного, — уважали и любили. Он был казак не только на словах, но и на деле.

Пример: полк отдыхал, но в то же время и голодал, т. к. не было возможности подвезти припасы. Казаки же не были бы казаками, чтобы для своего командира не нашли чего-нибудь перекусить.

Нашли, преподносят...

А Фролов сказал: «Если вы не едите, то я тоже не должен есть. Никаких привилегий! Мы все равны!».

Красивый ли жест это, или что иное? — судите сами, станичники...

Каждый казак должен знать свою историю. Каждый казак должен знать свою вековую старину. Из казачьей истории можно черпать поучение для себя и для других, учиться на исторических ошибках — не делать больше ошибок.

Называет ли себя казак *везде* казаком, — он уже наполовину националист. И долг казаков националистов — «казаков проповедников» — укрепить такого казака, словом разъяснить и делом разжечь его казачье сердце.

В каждом казаке есть пламень казачий. У одного горит ясным, сильным светом, у другого мерещит. Надо разжечь в каждом любовь к своему казачьему. Только казак казака поймет...

Станичники, берите факел казачьей свободы в руки и пусть огонь казачьей любви к казачьему зажжет ваше сердце. Разожгите факел национальной свободы, свободы казачьей, неподкупной.

Сыны истерзанного Казачества, проявите свою волю, все будьте казаками националистами!

Русский историк Соловьев сказал: «Казачество должно удобрять своей кровью широкие степи, охранять их от хищения и ждать, пока придет полный хозяин — русский человек. Само казачество терпимо,

пока не понадобится широкая степь земскому человеку для возделывания».

Что это значит, хорошо поймете и сами. Так не должно быть...

Станичники начало оздоровления Казачества началось раньше, чем в 1927 году, но оздоровление казачьего национализма началось в полной мере только здесь, в эмиграции. И нам нужно удержать этот национализм на должной высоте.

Будет еще литься казачья кровь, но *за свое казачье дело пролют казаки свою кровь...*

«Себе самому служить мелко и нет удовольствия... одно только и осталось — вера в Казачество, служение ему»...

Так сказал донской казак поэт Юрий Гончаров.

Станичники, если вдуматься в наше задание, если правильно понять казачью национальную идею, то, действительно, нам остается одно: *служить своему народу*.

Казачеству служить, Казачество оберегать мы обязаны!

За лучшую жизнь Казачества, за национальную идею борются казаки националисты.

Походному Атаману казаков националистов, всем окружным, станичным и хуторским атаманам, всем сотрудникам журнала «ВК», вам и всем казакам националистом — Слава! Слава Казачеству!

Затем говорит ст. В. В. Фролов:

Ни один народ еще без жертв, без крови, не построил своего самостоятельного государства, потому что должен был вести борьбу за освобождение. Кровь в таких случаях всегда является связывающим элементом, крепящим веру в счастливое будущее каждого народа.

Кровь Степана Разина, Кондратия Булавина, боровшихся за независимость Казачества, не осталась бесследной в истории нашего народа. Русской официальной истории не удалось вытравить из казака дух — дух казачий, который через двести лет снова воскрес в героях и мучениках за казачью Волю — Кулабухове, Рябоволе и многих других национальных вождях Казачества в годы революции.

Сегодняшний день, день юбилея ВК движения, является в истории Казачества знаменательным днем,

...Все «белые» борьбу проиграли. Русский народ не стал на их сторону. Наидольше вела борьбу Добрармия, но и то потому, что сумела вести войну кубанскими, донскими и терскими казаками.

... Русскую часть эмиграции послал в изгнание ее собственный народ. Это он дал силу большевицкой сов. власти в ее вооруженной борьбе со своими противниками. Сам же русский народ не дал эмиграции: ни русских рабочих, ни русских крестьян в эмиграции нет.

Иное дело эмиграция казачья.

Война с большевиками для Казачества носила иной характер и имела иной смысл, чем это было для разных российских противников сов. власти. Это различие лежит в самой природе нас и их.

В то время, как для различных русских антибольшевиков эта борьба была внутренним спором разных партий и группировок за государственную власть и за тот или иной социальный строй, т. е. войной гражданской, для нас эта борьба была войной внешней. *Не внутренний спор, не свое домашнее дело решали казаки с большевиками в течение почти трех лет на поле брани.* Это была внешняя оборонительная война..

Войну против большевиков и против тех, кто за ними шел, или кого они против Казачьих Краев воевать посыпали, вели не отдельные группы или партии, а все Казачество, весь наш народ. Поэтому и эмиграция казачья иная, чем эмиграция русская. Не верхи стоявшие над народом, не политические сектанты-партийцы, не добровольцы-одиночки, а грубой, более сильной физической силой победенная часть вооруженного народа — армии. *Не донцы или кубанцы изгоняли кубанцев или донцов. Чужими руками, внешней силой оторвано живое тело от живого тела...*

...Идеалы Казачества, как народа, поднявшего знамя своей свободы, впереди, в будущем.

Не в борьбе за ту или иную Всероссийскую власть, а в борьбе за полное раскрепощение своих Земель от этой власти, в восстановлении своей государственности, в защите своего права распоряжаться судьбою и долею своих Краев так, как то будет только ему угодно, — в этом направлении лежат пути Казачества. *Идеалы его в том будущем, которое несет свою беду, равенство и мир для всех народов б. Р.Империи.* Казачество не хочет того прошлого, когда один народ господствовал, а другие былиу него «служилым сословием». *Не «арендатором», а полным Хозяином своих Земель хочет быть Казачество.*

потому что в этот день спросило себя зарубежное Казачество: «Быть или не быть?» и разрешило этот вопрос в положительную сторону: «Для того, чтобы жить, необходимо бороться!». И началась борьба, началась решительная схватка за то, чтобы Казачество жило для себя, служило бы только себе и защищало бы только свою свободу, а не чужую.

Десять лет прошло с того счастливого момента, когда был кликнут клич — «клич чести и свободы»... «За ледовские заветы и за родной свой угол»... когда был поставлен вопрос о категорической переоценке казачьих духовно-политических ценностей в прошлом и настоящем, когда начали истинные сыны Казачества ковать свою казачью национальную идеологию.

Мало было тех, кто не растерялся и не устроился среди всеобщего духовного и политического упадка, среди бушующего моря анархии русской разнолеменной и разнонациональной эмиграции во всем услышание начать открыто и честно говорить о казачьей правде...

Много шума тогда наделало появление в свет журнала «ВК», который встал на защиту национальных и просто человеческих прав казачьего народа. Много было заботы, а еще больше — работы русофильским общественным и политическим деятелям Казачества, которые со скрежетом зубовым старались изо всех сил дискредитировать казачье национальное возрождение.

Но противники наши должны были сдать свои неустойчивые позиции и отойти в мир политического небытия...

Мы же сосредоточиваем все свои силы для марша вперед к осуществлению нашей цели — независимости Казачьего Народа!

Станичники Турчаниновцы, с полным сознанием своего казачьего достоинства, крепко держат в руках казачье национальное знамя. Мы знаем свой долг перед родиной! Знаем и никогда не забудем его! Слава казачьей национальной революции! Слава павшим и живым борцам за родину! Слава Казачеству!

Потом слово предоставляется ст. **Кирееву**, который в содержательной, прекрасной речи, которая, к сожалению, не была записана, благодарит докладчиков за их искренние, правдивые слова и говорит о том, что в Праге еще не приходилось слышать ничего подобного и не приходилось видеть такого организованного и дисциплинированного собора.

Ст. Киреев предлагает приветствовать и благодарить ст. **Н. К. Пархомова** за его преданность казачьему делу и за его заботу о тех станичниках, которые под его руководством сделали патриотический шаг возвращения в ряды ВК движения. (Сбор дружно приветствует ст. Пархомова).

Затем председатель предоставляет слово представителям украинских организаций. В пространных и содержательных речах инж. **А. Галька** и д-р **К. Григорович** приветствуют казачье движение и высказывают свое самое лучшее отношение к казакам. Д-р Григорович говорит, между прочим, о том, что чувствует он себя здесь, на соборе, так, как чувствуют себя люди в светлое Христово Воскресение. (Станичники громко приветствуют своих друзей).

Ст. **К. К. Поляков** в коротком слове благодарит представителей украинских организаций за приветствие, благодарит станичников за дисциплинированность и закрывает сборм.

...Не застыла в нас кровь казацкая», стоя, как всегда с подъемом, исполняют Турчаниновцы свою песню.

(Соб. кор.).

Казачья Эмиграция

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ.

1. а) Зачисляю в состав Округа образовавшийся ВК имени Атамана К. Булавина хутор в. г. Марселе. б) Зачисляю в состав Округа образовавшийся ВК имени Емельяна Пугачева хутор в г. Куртуа (район Лиона).

— Привет и место в рядах ВК казачьим патриотам!

2. Напоминаю всем ВК станицам и хуторам, что наступают 20-летие годовщины гибели партизана полк. **В. М. Чернецова**, Степного Пюхода, расстрела Атамана **Назарова**, председателя Донского Войскового Круга **Волошинова**, предс. Донского Правительства Митрофана **Богаевского**, Кубанского Патриота **К. Л. Бардика**, самоубийства Атамана **Каледина**, расстрела Астраханского Атамана ген. **Борисова**.

В соответствии с этим, вменяю ВК организациям в обязанность устроить надлежащие собрания, где почтить должным образом память казачьих героев, павших за Дело и Волю Казачества.

Окружной атаман: **А. Ленисов**.

В КРЕЗО.

Приезд Походного Атамана.

25 декабря прошлого года в 7 часов вечера ВК имени ген. Каледина станица в Крезо во главе со своим атаманом Беловым встречала на местном вокзале нашего Походного Атамана. Вместе с нами вышли встречать дорого гостя голова украинской громады п. **Сабардак**, его помощник п. **Козловский**, секретарь п. **Троян** и казначай п. **Конюшеник**.

Гость наш прибыл со своею супругою.

С вокзала мы повели гостей к вольному казаку **Мандрыкину**, который со своею женой встретил их, то казачьему обычаю, с хлебом-солью.

В 9 часов вечера все в. казаки собрались в одном из ресторанов. Походный Атаман предложил рассказать ему, как протекает казачья жизнь в Крезо,

что и было подробно ему изложено. Затем он предложил задавать ему вопросы, на которые исчертывающие отвечал. Наконец, поведал нам, что творится в мире. Беседа затянулась до полуночи.

На второй день, 26 декабря, в 10 часов утра в одной из самых больших зал г. Крезо состоялся доклад П. Атамана. Зал был переполнен, т. к. явились послушать его: вся наша станица, украинская громада, «русские» казаки, младороссы и даже юдин грудин, г. Рамишвили.

Станичный атаман **Белов** представил присутствующим Походного Атамана и об'яснил, что доклад будет на тему «Двадцатилетие казачьей борьбы и Вольно-казачье движение».

И докладчик рассказал многочисленной аудитории историю казачьей борьбы дома, подробно пояснив, почему мы ее проиграли... Одновременно докладчик говорил, как еще там, дома, складывалась постепенно ВК национально-освободительная программа. Таким образом, «исторически» была выяснена цель нашего движения.

Доклад произвел большое впечатление на всех присутствующих.

Во время доклада, по предложению П. Атамана, все присутствующие вставанием и минутным молчанием почтили память всех казаков, павших в прошлой войне.

Поле доклада были пропеты гимны — Донской, Кубанской и Украинской.

— Кто желает задавать вопросы Походному Атаману? — спросил ст. **Белов** после окончания доклада.

Но, т. к. в докладе сказано было ясно и неопровергнуто, то вопросы и возражений не последовало, несмотря на разношерстый состав аудитории.

По закрытии собрания, в том же зале атаман **Белов** просил гостей откусывать нашего хлеба-соли.

Был поднят бокал за Казачество, Походного Атамана, всех борцов за Казачество и за наших друзей и соратников украинцев.

П. **Сабардак** и п. **Козловский** в очень прочувствованных словах просили Казачество об'единиться с ними для борьбы с нашим общим врагом, чтобы не повторить прежней ошибки, когда мы шли врознь.

Дети наших школ (в. казачьей и украинской) очень хорошо продекламировали стихи, а С. Павлов и Ш. Морозов протанцевали казачка. Не обошлось, конечно, и без казачьих песен.

На другой день правление станицы и в. к. Е. Морозова провожали гостей в Париж.

Походный Атаман оставил по себе самое лучшее воспоминание не только у в. казаков, но и у всех его слушавших.

Слава Казачеству! Слава нашему Походному Атаману! Веди нас, Батько, вперед. Мы верим тебе!

Помощник станичного атамана: Горелов.

В ОШЕ.

25 декабря 1937 г. ВК имени Атамана Некрасова станица в Оше собралась ютизировать праздник Рождества, а так же 10-ти летний юбилей журнала «ВК».

К десяти часам утра все казаки с семьями стали собираться в помещение, где была убрана елка для детей.

Когда все собрались, была зажжена елка и станичный атаман ст. А. Ильинов сказал слово, в котором упомянул о выходе первого номера журнала «ВК» и полезной работе журнала, десятилетие которого мы сегодня празднуем.

Затем все казаки и казачки, по предложению станичного атамана, пропели хором «Рождество», а потом старинную рождественскую колядку.

Ст. Е. Д. Нартов был наряжен рождественским делом и раздавал детям подарки и счастья. Перед раздачей, «дед» заставлял детей прочесть молитву, пропеть «Рождество» и продекламировать какое нибудь стихотворение. 8-ми летний Миша Нартов продекламировал стихотворение «Новый Год» (журн. «ВК» № 112), за что был обласкан всеми присутствующими.

После раздачи детям подарков, в час дня приступили к обеду. Обед начался тостом станичного атамана за здоровье всех вольных казаков здесь, за рубежом, а также и тех, оставшихся там, кто служит нашему святому делу — делу освобождения нашей родины Казакии. Тост был покрыт криками: Слава Казачеству!

Затем ст. Е. Д. Нартовым был провозглашен тост за здоровье нашего Походного Атамана и его соратников окружных атаманов и за их славную работу на пользу родного Казачества. Речь была закончена пением «Многоя лета».

Верим, что недалек новый 1917 год, но боимся, чтобы Казачество вновь не встретило грядущие события так же неготовым, как это было в недалеком прошлом.

Пора казакам думать свою думу, пора становиться в свои ряды: свой к своему. Надо хоть теперь безоговорочно выходить на свой собственный исторический шлях.

Все, кто казак душой, кто любит Казачество не только на словах, но и на деле, кто любит свои семьи, родные Края и дорогие станицы, кто хочет поскорее увидеть их освобожденными, кто не хочет бесславно умирать за рубежом Родины в изгнании, тот пусть становится в ряды ВК.

Довольно гнета и насилия там — дома, на «нашій, але не свой тепер землі!» Довольно медлить и колебаться, качаясь из стороны в сторону, здесь, заграницей. Бросьте — и там и здесь — прислуживаться и прислушиваться, перестаньте следовать за московскими красными, черными или белыми «господами»...

Помните, казаки, что само собою ничего неделается... Но, прежде чем что-нибудь делать, надо самим нам говориться, надо самим нам стать в одни ряды, под свои знамена.

(«ВК» 10 июля 1928, № 15).

Мы, казаки —aborигены своих Земель, — сходить с исторической сцены не хотим, мы тоже хотим жить. Переселяться больше нам уже некуда. Исторические условия создали нам «иногородний» вопрос. Мы с этим считаемся, как с фактом, и хотим решить его так, чтобы нам не пришлось прекращать свое историческое существование. Мы имеем все права божеские и человеческие защищаться. Пусть пришельцы становятся в наши ряды, пусть они, если хотят жить на казачьей земле, служат нашему Краю, прежде всего..

А теперешним господам положения из московского Кремля и всем любителям чужого решительно заявляем: никаких ваших разделов Казачьих Земель, никаких ваших колонизаторских планов мы никогда не признаем и с ними никогда не примиримся..

(«ВК» август 1928, № 17-18).

Станичником Г. Ларионовым были продекламированы стихи «Черный всадник». Затем пропели Донской, Кубанский и Украинский гимны. По окончании пения, приступили к обеду, который затянулся до шести часов вечера.

Неохотно все расходились по домам. Расходясь, все благодарили организаторов праздника и детской елки, особенно станичного казначея Г. Строганова.

Сообщил: М. Корольков.

КАЗАЧЬЕ СПАСИБО.

Союз Вольных казаков имени Атамана С. Лаврентьева в г. Лионе присыпал глубокую благодарность нашему окружному атаману А. К. Леникову, как основателю ВК Союза и главному организатору торжеств в г. Лионе 9-го октября 1937 года.

Слава ему! Слава Казачеству!

Председатель Союза: Юров.

Секретарь: Мельников.

В ЮЖИНЕ.

ВК станица в г. Южине заложила начало ВК станичной библиотеке, где уже имеется несколько сот казачьих и русских книг.

Обращаемся ко всем казакам с просьбой: у кого имеются лишние книги, журналы и проч., просим принесать в библиотеку, за что будем благодарны.

Адрес библиотеки:

M-r Kravtstoff, Embrach. route d'Albertville, bat. 1, 46, Ugine (Savoie).

Станичный библиотекарь: А. Кравцов.

В БЕЛЬФОРЕ.

Отчет о сборе денег в пользу сирот ст. Ноздрина.

Собрано по подписному листу среди членов нашей станицы и других казаков 317 фр. Поступило от Походного Атамана ВК И. А. Билого 50 фр., от ВК станицы имени К. Булавина в Туркуане 68 фр., от ВК хутора в Пеаже 20 фр., от полк. А. Пономарева 5 фр., есаула А. Тырина из Швеции пять международных почтовых купонов 8 фр. 75 с., от вольной казачки Х.. 50 фр., от Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы 175 фр. Всего 693 фр. 75 с.

Все деньги переданы жене покойного под личную расписку.

Желаю щекойного со своим спиртами приносит глубокую благодарность всем жертвователям, оказавшим ей посильную материальную поддержку.

Правление станицы также считает своим долгом выразить свою искреннюю благодарность всем, откликнувшимся на наш призыв о помощи желе и трем сиротам нашего станичника **П. П. Ноздрина**.

Всем наше казачье спасибо. Слава Казачеству!

Атаман станицы: **И. Тищенко**.

— «» —

ВК в Польше

ПО ВК ОКРУГУ.

В свое время я уже об'являл в журнале «ВК» о том, что под различными казачьими фамилиями некоторые лица посещают места, где проживают казаки, и самым бессовестным образом обманывают их, часто вытягивая от них последний грош.

В настоящее время я снова получил письмо от атамана Острово-Мазовецкой станицы о том, что к его казакам явился Федор Ильич Руденков, якобы студент. А от казаков из г. Белостока получил сообщение о том, что в первых числах декабря прошлого года их посетил какой то доктор Игорь Руденков, якобы приехавший в Белосток занять должность доктора в Красном Кресте. Через 2-3 недели казаки в Белостоке убедились, что это был самый обыкновенный обманщик, юбещавший казакам многое, очевидно — за соответствующее вознаграждение.

Поэтому об'являя об этом, я еще раз прошу казаков не подпадать под влияние фальшивых обещаний таких типов и раз навсегда покончить с подобными явлениями очевидного обмана.

Все, что будет интересовать казаков, на все их вопросы они могут найти ответ в окружном правлении и, вместо того, чтобы обманщикам давать деньги на пересылку писем в Округ, необходимо каждому казаку писать самому и каждый получит у нас все нужные ответы.

Окружной атаман: **Ф. Штовхань**.

...**...ОТ ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ КАЗАКИ УЦЕЛЕЛИ. БОЛЬШЕ ТОГО: ВЕЛИ ТОГДА СВОЮ ПОЛИТИКУ — ИНОГДА ШЛИ С ТАТАРАМИ, ИНОГДА С РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ... В МНОГОВЕКОВОЙ БОРЬБЕ С ТУРКАМИ И КРЫМСКИМИ ТАТАРАМИ, (НЕВЕРНЫМИ, БАСУРМАНАМИ!) ЧАЩЕ БЫЛИ СТОРОНОЙ НАПАДАЮЩЕЙ... ОПРАВИЛОСЬ КАЗАЧЕСТВО ОТ УДАРА ПЕТРА... СОБРАЛОСЬ ИЗ РАССЕЯНИЯ И ПОСЛЕ ЕКАТЕРИНЫ... И ТОЛЬКО СЕЙЧАС ВО ВСЕИХ ИХ ОСТРОТЕ ВСТАЮТ СТРАШНЫЕ И ГРОЗНЫЕ ВОПРОСЫ: УЦЕЛЕЕТ ЛИ КАЗАЧЕСТВО ОТ НАШЕСТВИЯ РУССКИХ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН?... СОБЕРЕТСЯ ЛИ КАЗАЧЕСТВО ИЗ ПО-БОЛЬШЕВИЦКОГО РАССЕЯНИЯ?...**

ТАТАРЫ, ЕСЛИ И БРАЛИ ДАНЬ, ТО КАЗАЧИХ ЗЕМЕЛЬ НЕ КОЛОНИЗИРОВАЛИ... КАЗАЧЬИ ТЕРРИТОРИИ ВЫШЛИ ЦЕЛЫМИ И ДАЖЕ РАСШИРИЛИСЬ В ВОЙНАХ И СТОЛКНОВЕНИЯХ С НЕВЕРНЫМИ. ЕДИНОВЕРНЫЙ ЦАРЬ ПЕТР ПЕРВЫМ ПОСЯГНУЛ НА КАЗАЧЬЮ ЗЕМЛЮ. ЕДИНОВЕРНАЯ ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ КОЛОНИЗОВАЛА КАЗАЧЬИ ТЕРРИТОРИИ ЗАПОРОЖЬЯ РУССКИМИ ПОМЕЩИКАМИ. НЫНЕ ТОЖЕ ЕДИНОВЕРНЫЙ РУССКИЙ МУЖИК ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ СВОЕИ «НАРОДНОЙ ВЛАСТИ» КОЛОНИЗУЕТ КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ. А ЧТОБЫ ЭТА КОЛОНИЗАЦИЯ БЫЛА «ВЕРНОЙ», СТРЕЛЯЛ КАЗАКОВ И ВЫСЕЛЯЛ ИХ; КОГДА ЖЕ И ЭТО НЕ ПОМОГЛО, ОРГАНИЗОВАЛ ГОЛОД... — МЫ ЗНАЕМ В ИСТОРИИ «ПОБЕДНЫЕ ШЕСТВИЯ» И ПОГРОМЫ ВАРВАРОВ ПОБЕЖДЕННЫХ ИМИ НАРОДОВ. Но, ВАРВАРЫ ПОБЕЖДАЛИ, ГРОМИЛИ И... УХОДИЛИ. СОВРЕМЕННЫЕ ВАРВАРЫ ПРИШЛИ, РАЗГРАБИЛИ, ЗАВЕЛИ РАБСТВО И УХОДИТЬ СОВСЕМ НЕ СОБИРАЮТСЯ...

(«ВК» 10 сентября 1933, № 136).

Зачем и для чего создаем мы Казакию — Никогда и ни от кого не скрывали ответа на этот вопрос: не для служебной роли другим народам и государствам, а для самостоятельного и независимого существования коренного населения Казачьих Земель в своем государстве, во имя блага своего народа, для обеспечения его исторического существования, для успеха полного развития его духовного и материального благосостояния, для того, чтобы впредь никто над ним уж не делал никаких опытов, а был он сам себе хозяином и распорядчиком своего настоящего и будущего, как было когда-то Казачество полным и самостоятельным господином самому себе в прошлом...

(«ВК» 10 декабря 1932, № 112).

ВК в Югославии

В БЕЛОЙ ЦЕРКВИ.

Праздник 10-го декабря.

Белоцерковская ВК имени Атамана Некрасова станица 12-го декабря 1937 года устроила собрание, посвященное десятой годовщине журнала «ВК» и начала ВК освободительного движения.

По окончании чтения бюллетеня № 41 по ВК округу, станичный атаман **Я. Глазков** сказал такое слово:

— Братья вселенные казаки, уже десять лет, как «Черный Всадник» первый раз понесся по необъятным просторам земного шара. Десят лет он пробуждает уснувший казачий дух. Продолжает он и теперь возвещать о воскресении попранных русскими царями и царицами наших староделовских правах... Его мящный и правильный призыв к светлому и независимому бытию у всех истинно-верных сынов казачьего народа пробудил безграничную любовь к пратделовским заветам. Всколыхнулась, вззволновалась казачья эмиграция и ныне нет на земле такого государства, где бы не было ВК организации. За десять лет ВК движение выросло до мировой известности и никаким врагам, ни Войско-вым Атаманам — сиятельный и не сиятельный, — его не остановить.

Заслуга пробуждения Казачества, спавшего двести лет, принадлежит нашему Походному Атаману. Ему первому честь и слава. Слава всем его помощникам и сотрудникам!

Выслушав слово атамана, казаки высказали полное доверие своему Походному Атаману, вверяют ему свою судьбу и выражают ему благодарность за его труд на пользу Казачества.

Собрание также сердечно благодарит всех его помощников и сотрудников — чиновных и не чиновных.

Собрание призывает всех генералов, офицеров и рядовых казаков, еще блуждающих по чужим землям, не терять драгоценного времени и вступить в свою ВК семью, памятуя, что Казачество, ныне томящееся под пятой московских палачей, ждет от нас скорейшей помощи.

Сообщил: станичный атаман **Я. Глазков**.

В УЖИЦЕ.

27-го ноября поздно вечером впервые в Ужицу, в ВК имени Е. Пугачева хутор, приехал окружной атаман инж. **Н. Ф. Букин**, который был встречен на станции помощником окр. атамана **А. Д. Морозовым**, атаманом хутора **П. С. Терещенко** и членом отдела пропаганды **И. Я. Жуковым**.

За поздним временем, проводили окр. атамана наnochег, а собрание назначили на другой день.

На следующий день, в 9 часов утра, в отдельном помещении собирались казаки хутора и хут. атаман представил им окружного атамана.

Кроме членов хутора, пришли побеседовать и не состоящие в рядах ВК полк. Кубанского Войска **И. Г. Березлев** (впервые решивший побывать в обществе самостийников) и украинец Иван Александров.

Казаки внимательно простили доклад окр. атамана о международной обстановке и о положении сейчас казачьего вопроса.

Затем окружной атаман, предугадывая ряд вопросов со стороны полк. И. Г. Березлева, переходит на ряд вопросов, особенно волнующих сегодня казачью душу. Отдельными примерами пояснил слушателям о тщетности надежд врагов ВК, о неиссякаемой мощи и величине казачьего духа и о глубокой вере в то,

что все Казачество рано или поздно выйдет на свою казачью дорогу.

Так в атмосфере теплого братского единения продолжалась беседа окр. атамана с казаками, чередуясь то вопросами мятущейся казачьей души полк. Березлева, то его одобрительным качанием головы...

После перерыва, беседа продолжалась в более интимной обстановке за чашкой вина до самого отхода поезда. Полк. Березлов в конце беседы выразился так: «Да что-же, ген. Науменко и сам не ест и другим не дает»...

Расставаясь с окр. атаманом, хуторяне-пугачевцы пожелали ему счастливого пути, а окр. атаман благодарили за теплый прием и обещал побывать в хуторе еще, если представится к тому возможность.

(Соб. кор.).

ВНИМАНИЮ ДЖИГИТОВ!

Требуются джигиты, вольные казаки. Об условиях писать по адресу шефа группы:

M-r Chepel, 48, rue de Couteliers, Toulouse (H-te Garonne).

Катастрофа 1920 года — катастрофа не только вооруженных сил казачьих республик, это — страшный провал вождей Казачества единонеделического толка, увлекший за собой в пропасть и Казачество, отдавший в московские красные руки обескровленные и разоренные ожесточенной войной Казачьи Земли. Катастрофа 1920 года — это расплата Казачества за его (вольный или невольный — все равно!) союз с Добрармией, за стремление некоторой части казачьей старшины поддержать во всероссийском масштабе дело Деникина-Брангеля...

...Самым большим «внутренним врагом» казачьего дела была путаница и противоречия на верхах казачьего управления и законодательства, короче — на верхах казачьей государственной власти. Законы писались в направлении самостийном, а исполнять эти законы ставились противники самостийности.. Нельзя было Донскому Кругу принимать самостийную конституцию и ставить во главе Донской Республики такого безоговорочного противника самостийности, как ген. Богаевский. Нельзя было Кубанской Раде принимать самостийную программу, рвать на этом с Деникиным, а Атаманом избирать Филимонова... Такие «комбинации» даются не проходят. Раз самостийные конституции, то и во главу исполнительной власти надо было ставить самостийников. А если Атаманами выбирать единонеделимцев, то какой практический смысл имело принимать самостийные Конституции?...

...Если в «нормальных», мирных условиях соответствие между общей программой и задачами народа, с одной стороны, и личными качествами исполнителей — вождей и возглавителей государств и политической жизни, с другой, играет такую важную роль, то в обстоятельствах чрезвычайных такое соответствие или несоответствие играет роль решающую. К несчастью Казачества, это — одно из основных условий успеха и казачьего дела — исполнено не было...

...«Неразбериха» «на верху» и разногласия в самых важных существенных вопросах между казачьими законодательными учреждениями и носителями исполнительной власти; намеренная тяга к «общерусскому делу» у одних; невыгранченность и неясность политического мышления у других; отсутствие «реальной силы» в руках самостийников, — все это приводило к тому, что «на верху» казачьей государственной жизни такую большую и всегда вредную для казачьих интересов роль играли чужие...

(«ВК» 25 апреля 1931, № 79).

...Надо быть готовыми... Благоприятная международная обстановка приносит успех только тем, кто ее может и умеет использовать в своих собственных интересах.

Мы убеждены, что недалекое будущее поставит еще раз перед Казачеством открыто вопрос об его исторической судьбе, подвергнет еще раз современное казачье поколение экзамену государственной зрелости...

Выдержим ли?

— Выдержим, если будем готовиться. Выдержим, если будем разумны. Выдержим, если будем сильны и энергичны. Выдержим, если будем активны и силы свои потратим не на внутреннюю борьбу, а все их целиком отдадим на достижение одной цели — освобождение Казачества и создание Казакии.

(«ВК» 10 декабря 1933, № 142).

КАЗАКАМ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ.

Станичная библиотека ВК имени А. И. Кудабухова станицы в Париже, доводит до сведения всех казаков, что в библиотеке имеется в продаже недавно вышедшая книга ген. И. Ф. Быкадорова: «Донское Войско в борьбе за выход в море» (1546-1646 г. г.).

Цена книги — 25 франков без пересылки.

Обращаться к станичному библиотекарю по адресу:

M-r S. Fedosseeff, 51, Av. du Bas Meudon (passage), Le St. Germain, Issy-les-Moulineaux (Seine).

Принимается подписка на 1938 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:

Во Франции . . . . .
В Чехословакии . . . . .
В Болгарии . . . . .
В Румынии . . . . .
В Польше . . . . .
В Германии . . . . .
В С. Америке и др. странах

на 6 мес.:

50 фр.
50 кр.
150 лева
200 лей
10 зл.
5 мк.
2 долл.

на год.:

100 фр.
100 кр.
300 лева
400 лей
20 зл.
10 мк.
4 долл.

цена отдельного номера:

5 фр.
5 кр.
15 лева
20 лей
1 зл.
0,50 мк.
0,20 долл.

За перемену адреса следует присыпать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посыпать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.